

ВОСПОМИНАНІЯ ПЛЪННАГО ОФИЦЕРА.

I.

Было лѣто 1830 года. Всѣ пѣхотныя войска, составлявшія варшавскій гарнизонъ, а равно и тѣ, которыя, въ прочее время года, квартировали въ провинціи, стояли въ лагерѣ. Лагерь этотъ находился въ двухъ верстахъ отъ Маримонтской заставы. По обыкновенію, войска вступали въ лагерь 1 іюня и, простоявъ въ немъ три мѣсяца, выступали изъ него 1 сентября. Я служилъ тогда подпрапорщикомъ въ гвардейскомъ Литовскомъ полку и находился въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. На лѣто школа распускалась, подпрапорщики возвращались въ свои полки и стояли съ ними въ лагерѣ.

Войска вышли изъ лагеря ранѣе обыкновеннаго, 20 августа. Въ то же время я былъ произведенъ въ офицеры, съ оставленіемъ въ томъ же полку.

Съ сентября въ Варшавѣ распространились смутныя слухи о возможности скорой войны съ Франціею и о предстоящемъ войскамъ походѣ. Потомъ начало выказываться нѣкоторое броженіе въ умахъ варшавскаго народонаселенія, особенно между учащеюся молодежью. Слухи о войнѣ, о близкомъ возстаніи множились, усиливались; броженіе росло и начало проявляться различными и довольно осязательными выходками со стороны учащейся польской молодежи: студенты, лицеисты, гимназисты сдѣлались чрезвычайно заносчивы, придирчивы и дерзки при встрѣчахъ и столкновеніяхъ съ Русскими: на улицахъ они не давали имъ дороги, умышенно толкали. Въ кофейняхъ, у рестораторовъ, въ театрахъ, на гуляньяхъ, даже на публичныхъ лекціяхъ, вездѣ заводились и повторялись неприятныя сцены,

исторіи, оканчивавшіяся иногда вызовомъ на дуэль. Наконецъ начали ходить по рукамъ возмутительныя прокламаціи, и къ разнымъ лицамъ стали подкидывать безыменныя записки съ увѣдомленіемъ быть готовыми на такое-то чело.

Въ это время отданъ былъ войску приказъ, которымъ подтверждалось: избѣгать по возможности всѣхъ поводовъ къ непріятнымъ исторіямъ съ польскою молодежью и въ особенности перестать посѣщать публичныя лекціи словесности знаменитаго тогда въ Варшавѣ профессора Осиньскаго, который, прелестію своего изложенія, привлекалъ въ университетскую залу огромную публику.

Въ то же время въ войскахъ варшавскаго гарнизона проявилась необыкновенная воинская дѣятельность, которая была не что иное, какъ приготовленіе къ возможной войнѣ. Обращено было особенное вниманіе на обученіе солдатъ мѣткой стрѣльбѣ, которую производили по нѣскольку разъ въ недѣлю; производимы были малые и очень частые маневры небольшими отрядами, походы за городъ въ продолженіе цѣлаго дня.

Въ концѣ октября, слухи о походѣ за границу сдѣлались еще громче и настойчивѣе, и наконецъ уже въ приказахъ по полкамъ было предписано офицерамъ заказать себѣ походныя вьюки, что сейчасъ же съ радостію было всѣми исполнено. Долгая стоянка на одномъ мѣстѣ сильно надоѣла всѣмъ, и возможность похода и войны весело улыбалась, особливо молодымъ офицерамъ, потому что открывала новую карьеру, бывшую до того, благодаря продолжительному миру, въ совершенномъ застоѣ (*), на примѣръ: въ двухбаталіонномъ полку было иногда до тридцати прапорщиковъ, то есть почти четверной комплектъ, такъ что нѣкоторые прослужили лѣтъ по девяти и по десяти въ прапорщичьемъ чинѣ. Наконецъ войска, стоявшія въ Польшѣ, были объявлены находящимися на военномъ положеніи.

Вмѣстѣ съ приготовленіемъ къ войнѣ, слухи о возстаніи сдѣлались до того громки и настойчивы, что приняты были наконецъ нѣкоторыя предосторожности, на примѣръ: Литовскому и Вольнскому полкамъ роздали боевые патроны, и нижніе чины спали ночью въ казармахъ, имѣя возлѣ себя готовую аммуницію и заряженныя ружья.

(*) Говоря о продолжительномъ мирѣ, я отношу это только къ войскамъ, стоявшимъ въ царствѣ Польскомъ, которыя не могли участвовать ни въ персидской, ни въ турецкой кампаніяхъ.

Въ началѣ ноября я занемогъ. Болѣзнь моя вскорѣ усилилась, и, въ половинѣ ноября, я отправился въ военный Уяздовскій госпиталь, лежавшій на концѣ города, противоположномъ тому, гдѣ были казармы Литовскаго и Польскаго гренадерскаго полковъ (*). Не въ дальнемъ разстояніи отъ госпиталя, въ Лазенковскомъ паркѣ, находилась пѣхотная школа подпрапорщиковъ: она помѣщалась въ одной изъ двухъ-этажныхъ службъ лазенковского дворца, соединявшейся съ самымъ дворцомъ крытою галлереею. Кавалерійская же школа юнкеровъ была совершенно отдѣлена отъ пѣхотной и находилась въ центрѣ города.

Пѣхотную школу подпрапорщиковъ командовалъ тогда подполковникъ Польскаго гренадерскаго полка Олендскій. Это былъ строгій, но добрый и честный человѣкъ и отличный служака. Несмотря на то, незадолго до возмущенія, независимо отъ подполковника Олендскаго, главнымъ начальникомъ этой школы былъ назначенъ польскій генералъ Трембицкій, извѣстный своею строгостію и превосходнымъ знаніемъ фронтовой службы. Этотъ усиленный надзоръ за пѣхотною школою произошелъ вслѣдствіе разныхъ зловѣщихъ слуховъ о заговорѣ, на слѣды котораго стали нападать, такъ что въ началѣ ноября было арестовано нѣсколько студентовъ и подпрапорщиковъ разныхъ пѣхотныхъ полковъ, а въ томъ числѣ одинъ изъ Литовскаго, Лосевскій, уроженецъ варшавскій, имѣвшій множество знакомыхъ и пріятелей между польскими студентами. Начались допросы и слѣдствіе; но они ни къ чему не повели: время и событія шли несравненно скорѣе допросовъ и слѣдствія.

По прибытіи моемъ въ госпиталь—это было въ субботу 15 ноября—я нашелъ тамъ еще двоихъ больныхъ офицеровъ нашего полка, тоже прапорщиковъ, Плавскаго и Лыцинскаго (**), да нѣсколько кавалерійскихъ офицеровъ. Въ тотъ же вечеръ я отправился изъ госпиталя въ школу навѣстить старыхъ товарищей, но засталъ тамъ очень немногихъ: по случаю субботы, большая часть ихъ была отпущена въ городъ, и потому я положилъ повторить мое посѣщеніе черезъ два дня, никакъ не думая, что это будетъ роковой день возстанія. Правда, всѣ чувствовали, что въ воздухѣ носится гроза, но никто не ожидалъ, что она такъ близка, такъ скоро разразится. 16 ноября послѣдовало приказаніе: на другой день, 17 числа, въ шесть

(*) На мѣстѣ этихъ казармъ находится нынѣ варшавская цитадель.

(**) Нынѣ отставной генералъ-маіоръ.

часовъ вечера, Вольнскому полку оцѣпить арсеналь. Приказаніе было исполнено неакуратно: Вольнскій полкъ опоздалъ.

Теперь, прежде нежели приступать къ описанію событій, мною видѣнныхъ, нахожу необходимымъ войти въ нѣкоторыя объясненія. Варшавскія школы подпрапорщиковъ — пѣхотная и кавалерійская — были организованы совершенно иначе, чѣмъ въ Петербургѣ. Подпрапорщики опредѣлялись не прямо въ школу, а въ полки, откуда, по прослуженіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, отправлялись въ школу или по старшинству службы, или за хорошее поведеніе, или наконецъ по чьей нибудь протекціи. Для этихъ школъ не было опредѣленнаго комплекта: обыкновенно изъ каждаго полка посылались въ ту или другую школу отъ 25 до 30 человѣкъ, и поэтому въ каждой школѣ находилось отъ 280 до 350 подпрапорщиковъ или юнкеровъ.

Живя въ школѣ и состоя подъ начальствомъ командира школы, подпрапорщики и юнкера не переставали въ то же время зависѣть и отъ полковаго начальства, потому что обмундировку и аммуницію они получали изъ своихъ полковъ, куда, въ продолженіе года, являлись по нѣскольку разъ для пригонки аммуниціи, примѣриванія мундировъ и проч. А на лѣтнее время, какъ я уже сказалъ выше, подпрапорщики возвращались въ свои полки, съ которыми и стояли въ лагерѣ, завися на то время отъ одного полковаго начальства. Случалось, что, по выступленіи изъ лагеря, нѣкоторые изъ бывшихъ въ школѣ подпрапорщиковъ оставались въ полку, а на мѣсто ихъ посылались въ школу другіе. Но производство въ офицеры зависѣло единственно отъ начальника школы, гдѣ старшинство считалось не со дня опредѣленія въ полкъ, а со дня прибытія въ школу, и потому часто случалось, что младшіе по службѣ подпрапорщики и юнкера производились въ офицеры, а старшіе оставались въ нижнихъ чинахъ. Да и вообще положеніе подпрапорщиковъ было самое неутѣшительное. Во всѣхъ полкахъ насчитывалось множество сверхкомплектныхъ офицеровъ, и потому изъ школы ежегодно производилось въ офицеры не болѣе какъ по четыре человѣка въ каждый полкъ. Въ каждомъ изъ русскихъ гвардейскихъ полковъ находилось по сту человѣкъ подпрапорщиковъ, изъ которыхъ девять десятыхъ были Поляки. Когда же могли дождаться производства самые младшіе изъ этой массы подпрапорщиковъ? И потому многіе, прослуживъ отъ пяти до семи лѣтъ, не имѣли еще надежды на скорое производство. Другіе

послѣ четырехъ или пяти лѣтъ службы выходили въ отставку тѣмъ же подпрапорщичьимъ званіемъ. Въ польскихъ же полкахъ нѣкоторые подпрапорщики были женаты, и многіе изъ нихъ прослужили уже по десяти и даже по пятнадцати лѣтъ, имѣли по одному и по два шеврона на рукавахъ и только послѣ всего этого попадали въ школу, гдѣ должны были прождать производства еще нѣсколько лѣтъ, такъ что дѣлались офицерами имѣя уже сѣдые волосы. Однимъ словомъ, положеніе подпрапорщиковъ, и русскихъ и польскихъ полковъ, было почти безвыходное. И потому слухи о скоромъ походѣ жадно ловились ими и война весело имъ улыбалась: въ ней видѣли они самое счастливое событіе жизни подпрапорщичьей и юнкерской — возможность выйдти изъ заколдованнаго круга нескончаемой службы въ нижнемъ чинѣ. Для подпрапорщиковъ и юнкеровъ русскихъ полковъ мелкнула было однажды утѣшительная надежда на производство: это турецкая кампанія. Но насъ туда не потребовали.

Теперь скажу еще нѣсколько словъ объ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ лицъ польскаго возмущенія — о Высоцкомъ, который, однакожъ, былъ не болѣе какъ слѣное орудіе главныхъ начальниковъ заговора, скрывавшихся не только въ высшихъ слояхъ варшавскаго общества, но и между учеными и военными людьми.

Когда я прибылъ впервые въ школу подпрапорщиковъ, въ 1826 году, Высоцкій числился унтеръ-офицеромъ въ Польскомъ гренадерскомъ полку и уже нѣсколько лѣтъ находился въ школѣ, гдѣ правилъ должность фельдфебеля гвардейскаго взвода. Въ слѣдующемъ, 1827 г., Высоцкій былъ произведенъ въ офицеры (*) въ свой же полкъ, но оставленъ на службѣ при школѣ же. Въ то время Высоцкій былъ лѣтъ тридцати-четыре, безъ особаго образованія и даже слылъ за челоуѣка, не обладавшаго обширнымъ умомъ. Но онъ находился въ большой дружбѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ бывшихъ товарищей, служившихъ еще подпрапорщиками, и въ особенности съ Добровольскимъ (1 линейнаго полка), Махнацкимъ и Каршницкимъ (сапернаго баталіона). Послѣдніе трое, воспитанники варшавскаго университета, окончившіе блистательно университетскій курсъ, были люди умные и даровитые. Своими разговорами и чтеніемъ они мало по малу образовали Высоцкаго, который былъ потомъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ въ школѣ, разумѣется съ точки зрѣнія под-

(*) Т. е. въ подпоручики. Въ польскихъ полкахъ не полагалось прапорщиковъ и первый офицерскій чинъ былъ подпоручикій.

прапорщиковъ, то есть онъ не сдѣлался ни педантомъ, ни придирчивымъ, ни крикуномъ, и потому былъ любимъ всѣми школьными воспитанниками.

Итакъ, дружба и общеніе съ бывшими студентами приготовили Высоцкаго къ той роли, которую разыгралъ онъ впоследствии. Бывало, какъ только онъ дежурить въ школѣ, Добровольскій, Махнацкій и Каршницкій проводятъ съ нимъ въ дежурной комнатѣ цѣлый день. Никому изъ насъ въ голову не приходило тогда, что бесѣды эти имѣли цѣлю заговоръ. Эти три, такъ сказать, воспитателя Высоцкаго были произведены въ офицеры въ одинъ со мною выпускъ, въ 1830 году.

II.

Наступилъ день 17 ноября. Послѣ обѣда я было собрался идти въ школу, какъ въ эту минуту приходитъ мой слуга и приноситъ мнѣ съ квартиры скрипку и ноты. У насъ сейчасъ же составилось тріо: двѣ скрипки и гитара, и мы принялись наигрывать мазурки, вальсы и разныя другіе танцы. Я отложилъ мое посѣщеніе школы до слѣдующаго дня. И хорошо сдѣлалъ: я попалъ бы въ самый разгаръ возстанія.

Былъ восьмой часъ вечера. Вдругъ кто-то изъ больныхъ входитъ въ комнату, гдѣ раздавалось наше тріо, и говоритъ громко: «господа! пожаръ! Шулець горить!»

Оставя музыку, мы опрометью бросились въ корридоръ, длинный, темный, и, пробѣжавъ его во всю длину, отворили окно, выходившее къ Вислѣ, на берегу которой, прямо противъ госпиталя, было разбросано предмѣстье Варшавы, называвшееся Шулецомъ. Яркое пламя пожара озаряло всю окрестность. Горѣла какая-то пивоварня, умышленно подожженная. Въ то же время, точно такой же пожаръ начался и на другомъ концѣ Варшавы. Это были условные сигналы заговорщиковъ, по которымъ всѣ они уговорились спѣшить къ арсеналу, чтобы, овладѣвъ имъ, вооружить жителей Варшавы. Замыселъ этотъ удался вполне, потому что Волынскій полкъ опоздалъ и прибылъ къ арсеналу уже разграбленному и окруженному 4-мъ линейнымъ полкомъ, приставшимъ къ возстанію.

Ничего не зная, мы стояли передъ открытымъ окномъ. Ночь была сырая, холодная и самая темная. Съ правой стороны, мимо госпиталя, стоявшаго на крутомъ возвышеніи, лежала дорога въ гору, изъ школы подпрапорщиковъ и изъ казармъ Подольскаго кирасирскаго и уланскаго Цесаревича полковъ въ

каштановую аллею, лежавшую противъ госпиталя и которая вела изъ города въ Бельведерь и къ Мокотовской заставѣ. Вскорѣ по этой дорогѣ послышался конскій топотъ и стукъ палашей. Эскадронъ Подольскаго кирасирскаго полка, подъ командою дежурнаго по полку ротмистра, скакалъ въ гору во весь духъ и на однѣхъ попонахъ безъ сѣделъ. Мы разслушали голоса офицеровъ: «скорѣй, скорѣй, въ Бельведерь!»

— Что бы это значило? спросилъ я.

— Вѣроятно, Великій Князь приказалъ сдѣлать тревогу, отвѣчалъ одинъ изъ моихъ товарищей.

При возвращеніи нашемъ въ палаты госпиталя, насъ встрѣтили страшныя слова: «бунтъ, бунтъ!» Слова эти были произнесены подпрапорщикомъ нашего полка Пужижскимъ, который только что вернулся изъ школы. Блѣдный, какъ смерть, онъ хромалъ, потому что выпрыгнулъ изъ окна втораго этажа и расшибъ себѣ ногу. Вотъ что сообщалъ онъ намъ:

«Подпрапорщики Польскаго гренадерскаго полка уходили на два дня въ свой полкъ, для поправки аммуниціи. Сегодня возвратились они въ школу въ шесть часовъ по полудни. Часовъ въ семь вечера, по обыкновенію, раздался барабанный бой, призывавшій въ классъ, гдѣ преподавалась теорія баталіоннаго и линейнаго ученій (*). Вслѣдъ за барабаннымъ боемъ раздался въ корридорѣ шумъ и крикъ, и прежде нежели Литовцы успѣли выйдти изъ своихъ комнатъ, вошелъ къ нимъ подпоручикъ Высокій, сопровождаемый Добровольскимъ, Махнацкимъ, Каршницкимъ и еще нѣкоторыми изъ подпрапорщиковъ польскихъ полковъ, и произнесъ рѣчь, вышелъ съ своими спутниками, оставя Литовцевъ въ большомъ смятеніи. Они было бросились внизъ, въ пирамидальную залу, гдѣ стояли ружья и висѣла аммуниція. Но ружей тамъ уже не было: ихъ похитили подпрапорщики польскихъ полковъ. Оставались одни тесаки съ португезами, которыми и вооружились они. Между тѣмъ, подпрапорщики польскихъ полковъ суетились, бѣгали по заламъ и корридорамъ,

(*) Слѣдуетъ замѣтить, что подпрапорщики жили въ школѣ по полкамъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свои отдѣльныя комнаты и своего полковаго фельдфебеля. Но въ классахъ и, потомъ, во фронтѣ на ученіяхъ всѣ полки уже перемѣшивались между собою и становились по ранжиру. Подпрапорщики Литовскаго полка, находившіяся въ первомъ дивизионѣ, помѣщались въ комнатахъ, обращенныхъ къ дворцу, изъ котораго шла крытая галерея и примыкала къ стѣнѣ, подъ однимъ изъ оконъ комнатъ, занимаемыхъ нашимъ полкомъ. Подпрапорщики же Волынскаго полка, находившіяся во второмъ дивизионѣ, жили на противоположномъ концѣ зданія.

раздавали другъ другу боевые патроны и заряжали свои ружья, бросая очень недружелюбные взгляды на Литовцевъ и Волынцевъ, которые тоже были посвящены Высоцкимъ и выслушали его воззваніе.

«Возвратясь въ свои комнаты, Литовцы стали совѣтоваться между собою, что и какъ дѣлать. Въ эту минуту вбѣгаетъ къ нимъ одинъ изъ ихъ товарищей, Ивановъ, и говоритъ: «спасайтесь! Проходя сюда, между Поляками я слышалъ, какъ они говорили: *надо сперва перерѣзать тѣхъ москалей (Русскихъ), что на верху.* Оба выхода внизу караулятся Поляками, и потому намъ осталось одно спасеніе черезъ окно.»

Разумѣется, этотъ совѣтъ былъ принятъ, и Пужицкій первый ему послѣдовалъ. Такой неестественный путь облегчался тѣмъ, что, какъ я уже сказалъ, подъ однимъ изъ оконъ находилась кровля галереи, спустившись на которую, можно было безъ большой опасности достигнуть земли. За Пужицкимъ выпрыгнули остальные Литовцы. Пользуясь темнотою ночи, они разсыпались въ разныя стороны и пристали къ русскимъ кавалерійскимъ полкамъ.

Едва Пужицкій окончилъ свой рассказъ, какъ раздались вблизи ружейные выстрѣлы, и вскорѣ послѣ того начали привозить въ госпиталь раненыхъ Русскихъ, между которыми находились ротмистръ Подольскаго кирасирскаго полка Дерфельденъ и полковой адъютантъ уланскаго Цесаревича полка поручикъ Постольскій. Остальные раненые были большею частію нижніе чины уланскаго полка. Наконецъ, часовъ въ девять, прибылъ въ госпиталь посланный изъ Бельведера съ приказаніемъ немедленно отправить туда доктора и двухъ фельдшеровъ со всѣмъ, что необходимо для перевязки раненыхъ. Это извѣстіе несказанно усилило тревогу находившихся въ госпиталѣ больныхъ русскихъ офицеровъ: мы начали сильно опасаться за Великаго Князя. Но для объясненія того, что случилось въ Бельведерѣ, слѣдуетъ прежде рассказать, что и какъ происходило въ школѣ, послѣ ухода оттуда Пужицкаго.

Литовскіе и волынскіе подпрапорщики, въ числѣ около пятидесяти человекъ, спаслись черезъ окна и присоединились къ кавалерійскимъ полкамъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что опасность, угрожавшая имъ вначалѣ, скоро миновала, потому что Высоцкій удержалъ Поляковъ отъ безполезнаго кровопролитія, сказавъ имъ, что не должно никого принуждать

слѣдовать за ними, а тѣмъ болѣе не должно пятнать начало возстанія пролитіемъ крови небольшой горсти безоружныхъ. Итакъ, подпрапорщики польскихъ полковъ, въ числѣ трехсотъ человѣкъ, составлявшихъ, такъ сказать, самое ядро возстанія, раздѣлились на два неравные отряда. Одинъ отрядъ, числомъ въ шестьдесятъ человѣкъ, съ присоединившимися къ нему нѣсколькими отставными юнкерами и студентами, вооруженными кинжалами и пистолетами, отправился въ Бельведеръ, внутрв котораго ему легко было проникнуть, потому что дворцовый караулъ состоялъ обыкновенно изъ пятнадцати человѣкъ инвалидной команды, вооруженныхъ одними тесаками.

Цесаревичъ отдыхалъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ. Въ девятомъ часу пріѣхалъ въ Бельведеръ вице-президентъ (оберъ-полиціймейстеръ) Варшавы, Любовицкій, и, разбудивъ Цесаревича, донесъ ему, что въ городѣ вспыхнуло возмущеніе и арсеналъ разграбленъ чернію.

Въ это время небольшой отрядъ инсургентовъ изъ школы подпрапорщиковъ прибылъ въ Бельведеръ, убилъ стоявшихъ на часахъ у воротъ инвалидовъ, ворвался во дворецъ и принялся колоть попадавшихся ему навстрѣчу придворныхъ служителей. Идя изъ кабинета Великаго Князя въ переднюю, Любовицкій встрѣтился съ этою толпою, которая бросилась на него и положила его замертво, нанеся ему до пятнадцати ранъ. Впослѣдствіи, однакожь, онъ вылечился отъ своихъ ранъ. Въ то же самое время, попался имъ генералъ Жандръ: его подняли на штыки.

Пока совершались эти убійства, камердинеръ Цесаревича, Фризе, вбѣгаетъ къ нему въ кабинетъ и говоритъ: «Ваше Высочество! бунтовщики уже во дворецъ и убили Любовицкаго и генерала Жандра». Итакъ, грозная истина возстанія была засвидѣтельствована кровію, пролитою въ самомъ дворцѣ Цесаревича...

Въ эту минуту прибылъ въ Бельведеръ кирасирскій эскадронъ, который, какъ я сказалъ выше, проскакалъ мимо госпиталя, когда мы смотрѣли изъ окна на пожаръ. Великій Князь былъ внѣ опасности.

Пробравшіеся во дворецъ подпрапорщики, услышавъ конскій топотъ и стукъ палашей на дворцовомъ дворѣ, немедленно выбѣжали изъ комнатъ дворца и, пользуясь темнотою ночи, ускользнули изъ рукъ кавалеристовъ и отправились въ Варшаву. Такимъ образомъ, главная опасность во дворцѣ была устранена, благодаря находчивости и быстротѣ распоряженій кирасирскаго

ротмистра, который, безъ малѣйшаго съ чьей бы то ни было стороны приказанія, не потерялъ ни минуты времени на сѣдланіе лошадей и поспѣлъ вовремя. Тотчасъ по прибытіи кирасиръ, осѣдлали одну изъ придворныхъ лошадей. Великій Князь сѣлъ на нее и соединился на полѣ за Мокотовскою заставою съ гвардейскою кавалеріею.

Возвратимся теперь къ главному отряду школы подпрапорщиковъ. Предводимый Высоцкимъ, этотъ отрядъ пошелъ сперва въ казармы уланскаго полка, находившіяся вблизи отъ зданія школы. Поляки открыли ружейный огонь въ конюшняхъ по лошадямъ и потомъ по уланамъ, выбѣгавшимъ въ смятеніи изъ казармъ. Кровавое пролитіе было ужасное: много жертвъ пало отъ губительныхъ выстрѣловъ почти въ упоръ. Страшная темнота ночи увеличивала ужасъ этой кровавой картины. Убийственный огонь не помѣшалъ, однакожь, уланамъ осѣдлать своихъ лошадей.

Наконецъ отрядъ польскихъ подпрапорщиковъ рассудилъ удалиться изъ казармъ, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ города превосходными силами цѣлаго полка, который, несмотря на мѣткіе выстрѣлы, готовился къ отвору.

Итакъ, бросивъ уланъ, Поляки поспѣшно отправились въ городъ. Небольшая часть ихъ отдѣлилась отъ главнаго отряда и засѣла въ недостроенныя казармы, находившіяся возлѣ Уздовскаго госпиталя и назначавшіяся для пѣхотной школы подпрапорщиковъ. Изъ оконъ этого пустаго зданія они принялись стрѣлять по русскимъ кавалеристамъ, которымъ приходилось проѣзжать мимо. И здѣсь пало много жертвъ этой засады.

Затѣмъ остальной отрядъ школы добрался до главной улицы, называвшейся Новымъ Свѣтомъ. Тутъ попался имъ навстрѣчу генералъ Трембицкій, старшій начальникъ школы. Онъ ѣхалъ верхомъ. Узнавъ подпрапорщиковъ, Трембицкій остановился и громко закричалъ:

— Стой! Что это значитъ? Куда и зачѣмъ вы идете? Кто вами командуетъ?

Но въ ту же минуту подпрапорщики окружили его, стащили съ лошади, подхватили подъ руки и повели съ собою, говоря:

— Генералъ! соединяйтесь съ нами, командуйте нами и ведите на защиту нашего дѣла.

— Что вы дѣлаете, господа! отвѣчалъ смѣло Трембицкій. Опомнитесь, подумайте о присягѣ на вѣрность Императору, ко-

тору ю дали вы добровольно, и возвратитесь къ исполненію своего священнаго долга.

— Мы хорошо знаемъ, въ чемъ состоитъ теперь нашъ долгъ, и напоминаемъ его вамъ, генераль! Идите съ нами, или смерть вамъ!

— Сто смертей прежде, чѣмъ я нарушу присягу, данную мною Императору, сказалъ неустрашимый генераль.

Въ эту минуту одинъ изъ подпрапорщиковъ 4-го линейнаго полка подошелъ къ Трембицкому, поднялъ свое ружье кверху прикладомъ и уставлялъ штыкъ въ грудь безстрашнаго генерала.

Забылъ я фамилію этого подпрапорщика, но до сихъ поръ хорошо помню его лице, необыкновенно блѣдное, всегда задумчивое, съ вѣчно-болѣющими, красными и словно заплаканными глазами.

— Генераль! грозно сказалъ онъ Трембицкому: — въ послѣдній разъ говорятъ вамъ: командуйте нами, или умрете немедленно.

— Пусть умру, но не измѣню присягѣ.

И штыкъ прокололъ насквозь грудь неустрашимаго поборника долга и присяги. Онъ упалъ замертво, получивъ еще нѣсколько ранъ штыкомъ.

Вся эта страшная сцена была разсказана мнѣ потомъ въ Варшавѣ, однимъ изъ ея свидѣтелей.

Въ сильнѣйшей и непрерывной тревогѣ провели мы въ госпиталѣ эту ужасную ночь. Сверхъ поименованныхъ мною выше лицъ, были еще убиты: военный министръ графъ Гауке, начальникъ всей польской пѣхоты, графъ Станиславъ Потоцкій, генераль-маіоры: Блюмеръ, Сементковскій, Новицкій, и полковники: Зассъ и Мецижевскій. Кромѣ арсенала, Поляки овладѣли и пороховыми магазинами.

III.

Въ продолженіе всей ночи мы не ложились спать и только передъ утромъ уснули немного, и то не раздѣваясь. На разсвѣтѣ мы были снова на ногахъ. Время отъ времени слышались выстрѣлы, и, подобно отдаленному грому, долеталъ до насъ глухой гулъ изъ города, гдѣ бушевали народныя волны.

Когда разсвѣло, мы увидѣли, что въ аллеѣ противъ госпиталя расположены на бивуакахъ войска: это были нѣсколько ротъ польскихъ пѣшихъ егерей; они оказались потомъ на сторонѣ Великаго Князя. Затѣмъ мы узнали, что Цесаревичъ находился на Мокотовскомъ полѣ съ гвардейскою кавалерійскою

дивизіею. Эта дивизія состояла изъ трехъ русскихъ полковъ, а именно: Подольскаго кирасирскаго, уланскаго Цесаревича и Гродненскаго гусарскаго и изъ Польскаго конно-егерскаго полка, оставшагося на сторонѣ Русскихъ. Полкъ этотъ ходилъ нѣсколько разъ въ атаку на инсургентовъ, пытавшихся склонить его на свою сторону. О судьбѣ Литовскаго и Волынскаго полковъ, находившихся на противоположномъ концѣ Варшавы, ничего не было извѣстно.

Къ обѣду пришли къ намъ изъ города нѣсколько денщиковъ; по дорогѣ въ госпиталь, чернь вооружила ихъ саблями и пистолетами. Это было единственное для нихъ средство добратся до насъ живыми и цѣлыми. Точно также вооружены были всѣ варшавскіе жители. Даже мальчишки гордо рассказывали по улицамъ, имѣя за поясомъ пару пистолетовъ, а въ рукахъ сабли, которыми размахивали они по воздуху, горлая: «смерть москалямъ!»

Узнали мы еще, что чернь разграбила нѣсколько лавокъ и шинковъ, изъ которыхъ выкатывала бочки съ водкою и напивалась до мертва. Наконецъ была разграблена и русская провіантская комиссія, при чемъ расхищено нѣсколько милліоновъ звонкою монетою и русскими ассигнаціями. При этомъ происходили самыя буйныя сцены: чернь бросалась сперва на мѣшки съ серебряными рублями, драмась за нихъ между собою, разрывала эти мѣшки и потомъ, когда рубли разсыпались на тротуаръ, всѣ жадно хватали пригоршнями монету, получая и давая другимъ удары кулакомъ или саблею за каждую горсть рублей. Много было тутъ разбитыхъ и разрубленныхъ губъ, носовъ, ушей и проч.

Всѣ эти сцены описывалъ мнѣ потомъ одинъ очевидецъ, котораго народный потокъ увлекъ въ эту сторону и которому кто-то закричалъ: «Эй! товарищъ! держи свою шапку!» И въ ту же минуту фуражка его была наполнена рублями. Какъ видно, между чернію находились и щедрые на дѣлежъ. Ассигнаціи были разбросаны пачками въ пять, десять и болѣе тысячъ рублей. На нихъ было менѣе охотниковъ, потому что онѣ не принимались ни въ лавкахъ, ни въ трактирахъ и нигдѣ; ихъ можно было размѣнять на звонкую монету только у однихъ банкировъ. Разумѣется, когда расхитили всю звонкую монету, принялись и за ассигнаціи, такъ что многіе возвращались имѣя подъ мышкою тысячъ по двадцати и болѣе. Впоследствии, когда

русскія войска вышли изъ Варшавы, временное революціонное правленіе приказало отыскивать похитителей этихъ ассигнацій и отбирать ихъ. Полиція слѣдила за шинками, трактирами и мелочными лавочками. Какъ только кто нибудь предлагалъ тамъ въ уплату русскую ассигнацію, его брали подъ арестъ и немедленно обыскивали его жилище. Такимъ образомъ, удалось найти и отобрать нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Но очень многіе припрятали огромные куши и ускользнули отъ поисковъ полиціи. Вскорѣ потомъ дошли до насъ слухи (къ счастью, оказавшіеся ложными), что Литовскій полкъ, бывъ атакованъ превосходными силами и послѣ кровопролитнаго сопротивленія, потерялъ до пятисотъ убитыми и сдался военноплѣннымъ.

Послѣ обѣда любопытство заставило насъ выйти за ворота госпиталя. Мы стали около рѣшетки и были свидѣтелями слѣдующихъ сценъ.

Передъ госпиталемъ лежала квадратная площадь, на которой обыкновенно происходили ученья пѣхотной школы подпрапорщиковъ и русской кавалеріи. Съ одной стороны площадь эта оканчивалась каштановою аллеєю; съ другой шла дорога изъ Лаземокъ въ аллею. Госпиталь стоялъ въ лѣвомъ углу этой площади, противъ аллеи, а въ правомъ углу, на одной линіи съ госпиталемъ, находилась знаменитая въ Варшавѣ «Вейска кава» (деревенская кофейня). Между госпиталемъ и кофейнею стояли недостроенныя казармы, изъ которыхъ, какъ я уже сказалъ, отрядъ подпрапорщиковъ стрѣлялъ ночью по русскимъ кавалеристамъ.

Вся эта площадь, съ недостроенными казармами, госпиталемъ и аллеєю, находилась въ районѣ, бывшемъ на сторонѣ Цесаревича. Но «Вейска кава» лежала уже въ районѣ инсургентовъ. Отъ этой кофейни шла въ городъ пустынная, незастроенная Вейская улица и сходилась съ аллеєю у церкви св. Александра, куда пѣхотная школа подпрапорщиковъ ходила по праздникамъ въ церковный парадъ. А отъ этой церкви шла главная улица, Новый Свѣтъ, оканчивающаяся далѣе Краковскимъ предместьемъ и продолжавшаяся, подъ различными названіями, до самыхъ александровскихъ казармъ, въ которыхъ стояли Литовскій и Польскій гренадерскій полки.

Въ полдень помѣстился въ недостроенныхъ казармахъ небольшой отрядъ польскаго гарнизоннаго баталіона (Сзупне Ве-

тегану), подъ командою гарнизоннаго поручика. Отрядъ этотъ былъ на сторонѣ Русскихъ.

Съ самаго утра 18 ноября «Вейска кавъ» наполнилась Поляками, прибывавшими изъ Варшавы и предававшими буйному веселью. Шумъ, крикъ, пистолетныя выстрѣлы, революціонныя пѣсни, угрозы, ругательства раздавались безъ умолку. Многие изъ этой буйной толпы, подъ вліяніемъ пунша столько же, какъ и боевой отваги, выходили на площадь, размахивали саблями, стрѣляли изъ пистолетовъ и посылали брань и проклятія въ аллею, гдѣ расположены были егеря отряда Цесаревича. А когда крикуны слишкомъ отдалялись отъ «Вейской кавы», гарнизонный поручикъ, съ быстротою мысли, выбѣгалъ изъ засады, въ сопровожденіи нѣсколькихъ изъ своихъ солдатъ, ловилъ революціонеровъ и сейчасъ же отправлялъ подъ конвоемъ въ Бельведерь, гдѣ сажали ихъ подъ арестъ въ дворцовый подвалъ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ, переловилъ онъ болѣе ста человекъ и возбудилъ страшную ярость въ пировавшихъ въ кофейнѣ Полякахъ.

Мы внимательно смотрѣли на эту особеннаго рода ловлю. Случилось наконецъ, что самъ поручикъ, вмѣсто того, чтобы прохаживаться только передъ казармами, пошелъ, задумавшись, въ одну сторону, по направленію къ аллеѣ. Въ разсѣянности онъ не замѣтилъ, что уже удалился отъ своего поста шаговъ на двѣсти. Вдругъ въ это время выскакиваетъ изъ-за угла Вейской улицы какой-то панъ, на сѣромъ конѣ, въ кунтушѣ, весьма тучный и съ поднятою саблею. Во весь духъ устремился онъ на поручика, съ явнымъ намѣреніемъ изрубить его. За нимъ скакалъ на вороной лошади молодой Полякъ, и тоже съ поднятою саблею. Поручикъ очнулся отъ своей разсѣянности и, видя опасность, повернулся и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, къ казармамъ. Но толстый Полякъ нагонялъ его и былъ уже отъ него шагахъ въ десяти. Съ замираніемъ сердца смотрѣли мы на эту гоньбу и ждали кровавой развязки.

Въ эту минуту въ аллеѣ что-то зашевелилось. Смотримъ: одинъ изъ егерей кладетъ свое ружье на сучокъ каштановаго дерева и прицѣливается въ толстаго Поляка. Раздается выстрѣлъ, и, несмотря на большое разстояніе (было болѣе 300 шаговъ), толстый панъ свалился съ лошади; молодой Полякъ, его спутникъ, повернулъ назадъ и поскакалъ безъ оглядки обратно къ Вейской кавѣ, а гарнизонный поручикъ, поймавъ лошадь уби-

таго пана, сѣлъ на нее и съ торжествомъ возвратился къ своему посту. Но поручикъ дорого заплатилъ за свое торжество, какъ мы увидимъ это впослѣдствіи.

Итакъ, второй день возстанія окончился для насъ довольно спокойно. Но къ вечеру разнеслись слухи, что инсургенты замышляютъ сдѣлать ночью всеобщее нападеніе, чтобы завладѣть раіономъ, въ которомъ находился госпиталь. Поэтому провели мы очень тревожную ночь и спали опять не раздѣваясь, чтобы быть готовыми на всякій случай. Насъ безпрестанно будили крикомъ: «Поляки идутъ!» Но всѣ эти слухи оказались ложными и никакого нападенія не было.

IV.

Утромъ 19-го, въ среду, получили мы наконецъ вѣрныя свѣдѣнія о русской гвардейской пѣхотѣ: Литовскій и Волынскій полки, при первомъ извѣстіи о возстаніи, вышли въ ружье и отправились на военное поле, гдѣ простояли на бивуакахъ цѣлыя сутки, а потомъ, получивъ приказаніе отъ Цесаревича, отправились 18-го, вечеромъ, позади городского вала вокругъ Варшавы и соединились съ кавалеріею на Мокотовскомъ полѣ.

Хотя я былъ серьезно болѣнъ, но не хотѣлъ долѣе оставаться въ госпиталѣ и горѣлъ желаніемъ соединиться съ своимъ полкомъ и раздѣлять съ нимъ все, что ни пошлетъ ему судьба войны и дальнѣйшія событія въ Варшавѣ. Плавскій и Лыщинскій вполнѣ раздѣляли мое мнѣніе. Около полудня собрались мы втроемъ, надѣли шинели въ рукава, взяли съ собою въ запасъ нѣсколько госпитальныхъ бѣлыхъ хлѣбовъ и отправились къ Мокотовской заставѣ. По дорогѣ встрѣчали мы разныя войска, стоявшія на бивуакахъ, а между прочими и полкъ польскихъ конныхъ егерей. Такъ какъ у насъ не было никакого оружія, то конные егеря дали каждому изъ насъ по саблѣ. За заставою, на Мокотовскомъ полѣ, расположены были бивуаками всѣ полки русской гвардіи: сперва кавалерія, а потомъ пѣхота. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ отыскивали мы бивуаки нашего полка, гдѣ были приняты товарищами съ распростертыми объятіями. Тысячи взаимныхъ вопросовъ посыпались съ обѣихъ сторонъ. Полкомъ командовалъ старшій полковникъ Граббе (*), потому что полковой командиръ, генералъ-маіоръ Энгельманъ, въ первый же день возстанія, былъ взятъ Поляками

(*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и окружный начальникъ корпуса внутренней стражи.

въ пѣту и содержался въ королевскомъ замкѣ. Командиръ Волынскаго полка, генералъ-маіоръ Исаковъ, а равно и начальникъ нашей гвардейской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Рихтеръ, тоже были въ пѣту.

Положеніе нашихъ полковъ на бивуакахъ было весьма незавидное. Всѣ терпѣли страшную нужду: и голодъ, и холодъ. Застигнутые врасплохъ, ни солдаты, ни даже офицеры не имѣли времени взять съ собою что либо въ запасъ. Время стояло холодное: морозъ доходилъ до четырехъ градусовъ; на бивуакахъ нуждались даже въ соломѣ, и всѣ сидѣли или лежали на голой землѣ. Хлѣба не было ни куска: питались однимъ печенымъ картофелемъ, гдѣ-то съ трудомъ отысканнымъ.

Когда мы пришли въ полкъ, то нашли офицеровъ сидящими по-турецки, поджавши ноги, на мерзлой землѣ, вокругъ небольшого огня, на угляхъ котораго пекся картофель. Мы предложили товарищамъ взятый съ нами запасъ бѣлаго хлѣба, чему всѣ они очень обрадовались: это было для нихъ лакомствомъ. Наконецъ, къ вечеру, возвратилась команда съ фуражировки и привела съ собою нѣсколько коровъ, которыя тутъ же были застрѣлены и намъ скоро сварили въ котлѣ похлебку; мы нашли ее чрезвычайно вкусною.

Настала ночь. У меня не было ничего теплаго—одна холодная, безъ ваты, шинель; галошъ не было. Больной, подъ открытымъ небомъ, при пяти градусахъ мороза и на голой, мерзлой землѣ, имѣя только подъ головою солдатскій ранецъ, провелъ я эту мучительную ночь. Къ утру я весь окоченѣлъ отъ холода. Меня послали съ командою на фуражировку за соломой. Я этому очень обрадовался и ходьбою согрѣлъ свои окоченѣвшіе члены. Я обошелъ съ командою нѣсколько загородныхъ домовъ и, набравъ огромныя связки соломы, возвратился на бивуаки, гдѣ къ вечеру устроилось нѣсколько шалашей.

Между тѣмъ, всѣ мы были въ полномъ невѣдѣніи насчетъ того, что и какъ будетъ предпринято въ отношеніи варшавскаго возстанія. Положеніе наше часъ отъ часу становилось несноснѣе, опаснѣе. На продолжительную вѣрность польскихъ войскъ нельзя было рассчитывать. Эта кажущаяся вѣрность соблюдалась только, какъ условный нейтралитетъ, до поры до времени. Польскія войска *не были противъ насъ*, но едва ли *пошли бы за насъ и противъ Варшавы*, если бы получили такое приказаніе. Мы все-таки съ часу на часъ ожидали повелѣнія идти на Варшаву.

Вторую ночь на бивуакахъ провелъ я не такъ мучительно, какъ первую. Я спалъ уже не на голой землѣ, а на соломѣ, въ шалашѣ, вмѣстѣ съ полковникомъ Граббе и еще двумя офицерами. Крѣпко прижались мы другъ къ другу и менѣе страдали отъ холода.

Послѣ двухъ сутокъ, проведенныхъ мною на морозѣ и безъ лекарства, болѣзнь моя чрезвычайно усилилась: я едва ходилъ. Поэтому полковники Граббе и Жеребцовъ (*) стали уговаривать меня возвратиться въ госпиталь съ тѣмъ, что если бы наши войска пошли на Варшаву, то дорога лежитъ мимо госпиталя и я всегда буду имѣть возможность присоединиться къ своему полку.

Не лишения и неудобства бивуачной жизни, а страданія отъ болѣзни, не облегчаемой ни малѣйшимъ медицинскимъ пособіемъ, заставили меня согласиться съ доводами моихъ начальниковъ, которые искренно любили меня и желали мнѣ добра. Съ невыразимою грустію въ сердцѣ простился я съ ними и со всѣми прочими товарищами и, одинокій, унылый, побрелъ въ госпиталь, казавшійся мнѣ темницею. Это было около полудня.

Вскорѣ послѣ моего прихода я увидѣлъ, что стоявшіе въ аллеѣ егеря пришли въ движеніе, стали во фронтъ и закричали «ура!» Какіе-то господа проѣзжали мимо ихъ верхомъ изъ города къ заставѣ. Часа черезъ полтора егеря снова закричали «ура!» и потомъ стали вырывать изъ своихъ киверовъ помпоны, бросать ихъ на землю, а вмѣсто помпоновъ затыкать въ кивера каштановыя вѣтки. Я не понималъ, что все это значило, но скорѣ узналъ разгадку этой манифестаціи: мимо егерей проѣзжала депутація отъ временнаго правленія, образовавшагося въ Варшавѣ. Депутація ѣздила къ Цесаревичу для переговоровъ, вслѣдствіе которыхъ Великій Князь съ русскими войсками отступилъ отъ города, написавши письмо къ временному правительству и поручая ему всѣхъ русскихъ офицеровъ, чиновниковъ и ихъ семейства, которыя остались въ Варшавѣ.

Какъ громомъ поразило меня это извѣстіе: я сдѣлался военнопленнымъ. Горе мое было невыразимо. Въ первую минуту я хотѣлъ снова и сейчасъ же оставить госпиталь и, собравъ послѣднія силы, спѣшить догонять полкъ, удалявшійся по дорогѣ къ мѣстечку Гура-Кальварія. Но — увы! — это оказалось неудобноисполнимымъ: сверхъ болѣзни было и другое важное препятствіе: всѣ заставы были заняты народною гвардією, ко-

(*) Нынѣ генераль-лейтенантъ и сенаторъ въ Москвѣ.

торая ни одного Русскаго не пропускала за городъ, а мой военный костюмъ сейчасъ бы выдалъ меня. Говорили даже, что будто бы одинъ изъ Русскихъ былъ схваченъ на одной изъ заставъ и повѣшенъ чернію, какъ шпіонъ.

Волею-неволею, а надо было покориться своей участи, и я остался въ Варшавѣ, вмѣстѣ со многими другими русскими офицерами, которые, такъ же, какъ и я, были больны и находились въ госпиталѣ. Но гораздо большее число ихъ были взяты въ плѣнъ въ первый день возмущенія и содержались въ замкѣ. Гражданскіе же русскіе чиновники оставлены были въ своихъ квартирахъ и пользовались полною свободою.

Съ учрежденіемъ временнаго правленія, варшавское возстаніе организовалось. Между членами высшаго правительственнаго совѣта находился извѣстный историкъ Іоакимъ Лелевель, бывшій передъ тѣмъ библіотекаремъ общества «Любителей наукъ».

Въ первые же дни возстанія, исполнительная власть ввѣрена была диктатору, которымъ избрали Хлопицкаго, генерала наполеоновской эпохи. Хлопицкій особенно отличился въ испанской войнѣ, гдѣ, командуя польскимъ баталіономъ, первый бросился въ брешь при взятіи Сарагоссы, ворвался въ городъ и тамъ, подъ градомъ пуль, бралъ приступомъ каждый домъ. Впослѣдствіи, послѣ прибытія Цесаревича въ Варшаву, онъ командовалъ пѣхотною дивизіею польскихъ войскъ, былъ однимъ изъ лучшихъ польскихъ генераловъ и пользовался всеобщою любовію и уваженіемъ. Еще задолго до возмущенія, Хлопицкій оставилъ военную службу и жилъ въ Варшавѣ частнымъ человѣкомъ, довольствуясь своимъ пенсіономъ. Но такая личность не могла долго скрываться въ тѣни и забвеніи, и неожиданныя событія снова вызвали Хлопицкаго на сцену военной и политической дѣятельности.

Доскажу теперь исторію о гарнизонномъ поручикѣ, который охотился за революціонерами во второй день возстанія.

Какъ только въ Варшавѣ узнали объ отступленіи русскихъ войскъ, чернь вспомнила объ этомъ поручикѣ и бросилась отыскивать его. Но Хлопицкій, предвидѣвши месть, послалъ своего адъютанта съ конвоемъ и приказаніемъ привести гарнизоннаго поручика, защищая его, дорогою, отъ всякихъ нападеній. Это и было въ точности исполнено. Чернь собралась, между тѣмъ, у жилища диктатора и громко требовала выдачи ей «измѣнника». Хлопицкій подошелъ къ окну и уговорилъ на-

родъ разойдтись, сказавши, что виновный будетъ наказанъ, но что не должно пятнать насиліемъ недавнюю свободу и марать свои руки кровію «дурня». Народъ успокоился и разошелся, а Хлопяцкій, давъ наставленіе гарнизонному поручику и продержавъ его у себя въ домѣ до вечера, отпустилъ домой съ миромъ.

Господинъ этотъ въ послѣдствіи опился и умеръ отъ апоплексическаго удара.

V.

Прошло болѣе мѣсяца со дня отступленія Русскихъ изъ-подъ Варшавы. Я никуда не выходилъ изъ госпиталя. Здоровье мое начало поправляться. Однообразно и уныло тянулось время. Мучительная неизвѣстность тяготѣла надъ моимъ будущимъ. Сообщенія съ Россією были прерваны, и я не получалъ ни малѣйшаго извѣстія ни отъ полковыхъ товарищей, ни отъ родныхъ.

Мнѣ очень хотѣлось побывать въ Варшавѣ и посмотреть, что тамъ дѣлается; но меня удерживалъ костюмъ: партикулярнаго платья у меня не было, выходить же въ военномъ было дѣломъ рискованнымъ. Но кто-то успокоилъ меня словами, что никто не обратитъ ни малѣйшаго вниманія на мой костюмъ. Наконецъ я рѣшился и въ одно утро, надѣвши шинель и фуражку, вышелъ изъ госпиталя и отправился черезъ Вейскую улицу въ городъ. Пока я шелъ по этой малопрѣзжей улицѣ, все было хорошо. Но когда достигнулъ я церкви св. Александра и пошелъ по Новому Свѣту, то началъ обращать на себя вниманіе прохожихъ и прѣзжихъ. Сначала бросали на меня косые взгляды; потомъ стали останавливаться, показывать пальцами, говоря: «москаль! какая дерзость!» И такимъ образомъ, сквозь строй враждебныхъ взглядовъ и восклицаній, пробрался я бѣглымъ шагомъ на Францишканскую улицу, гдѣ были жидовскія лавки. Я поспѣшно вошелъ въ одну изъ нихъ и велѣлъ еврею-портному спороть форменныя пуговицы съ моей шинели, потомъ обшить у нея желтый воротникъ (*) сѣрымъ сукномъ, подъ цвѣтъ шинели, которая изъ военной сдѣлалась статскою. Точно также велѣлъ я обшить желтый околышъ фуражки чернымъ сукномъ. Затѣмъ, отложивъ воротникъ у сюртука и надѣвши на себя шинель, у которой застегнулъ воротникъ на крючекъ, я вполне преобразовался въ статскаго. Послѣ этой метаморфозы и хорошо владѣя польскимъ языкомъ, я могъ уже

(*) Воротники и отвороты у Литовскаго полка были тогда желтые. Только послѣ взятія Варшавы желтый цвѣтъ перемѣнили на красный.

безопасно расхаживать по улицамъ Варшавы и даже посѣщать рестораторовъ и кофейные дома, тѣмъ болѣе, что въ Варшавѣ допускалось оставаться въ публичныхъ заведеніяхъ въ верхнемъ платьѣ и даже обѣдать, не снимая его. И чего я тамъ не наслушался, на что не посмотрѣлся!...

Но какую переимѣну нашелъ я въ физиономіи города! Не осталось и тѣни прежней строгости въ отношеніи военной формы и выправки: нижніе чины расхаживали съ растегнутыми воротниками, съ длинными волосами, въ перчаткахъ (вмѣсто рукавичекъ), съ тесаками на боку; многіе изъ нихъ развѣзжали въ извожичьихъ коляскахъ, съ трубками или сигарами во рту. Все это было верхомъ безпорядковъ въ глазахъ нѣкоторыхъ консерваторовъ и ригористовъ. Прибавьте къ этому невообразимую пестроту костюмовъ самыхъ фантастическихъ фасоновъ. Безпрестанно кто нибудь изъ молодежи заявлялъ желаніе формировать полкъ, баталіонъ, эскадронъ или хотя взводъ какого-то войска, и сейчасъ же сочинялъ новую форму, не похожую на другія. Такое формированіе ограничивалось, по большей части, собственно особою формирователя да его фантастическимъ мундиромъ.

Повременамъ доходили до насъ самыя тревожныя слухи насчетъ нашей участи: будто бы чернь хотѣла напасть на мѣста, гдѣ содержались русскіе плѣнные, и предать ихъ смерти. Часто случалось, что кто нибудь изъ нашихъ товарищей по госпиталю, возвращаясь изъ города, сообщалъ намъ новость, что въ слѣдующую ночь «будутъ вѣшать жидовъ да Русскихъ».

Однажды подобный слухъ едва не сдѣлался фактомъ, и я самъ былъ тому свидѣтелемъ и вкусилъ сладость очень сильныхъ ощущеній. Я отправился за чѣмъ-то изъ госпиталя въ городъ. Болѣе половины города прошелъ я и достигъ улицы Фрейты, какъ вдругъ проявляется смятеніе и страхъ между прохожими и со всѣхъ сторонъ раздаются крики: «запирать лавки! къ оружію!»

Не зная причины и не дожидаясь развязки этой внезапной суматохи, я взялъ извожика и велѣлъ какъ можно скорѣе ѣхать въ госпиталь. Но едва доезъ онъ меня до Старого Города (Stare Mjasto), какъ остановился и не хотѣлъ ѣхать далѣе, говоря, что принадлежитъ къ народной гвардіи и, слѣдуя примѣру всѣхъ жителей, долженъ спѣшить къ оружію. Иду пѣшкомъ и достигаю площади Краковскаго предместья. Тутъ представился передо мною одинъ изъ ужасныхъ революціонныхъ эпизодовъ:

многочисленная толпа старалась вломиться въ ворота замка, гдѣ содержались русскіе плѣнные, и неистово кричала: «смерть измѣнникамъ, смерть шпіонамъ, смерть Русскимъ!»

Тщательно завернулся я въ мою шинель, чтобы не видно было моего форменнаго сюртука, могшаго выдать меня: одно только сукно шинели отдѣляло меня отъ грозной опасности, защищало отъ неистовства разсвирѣпѣвшей черни. По счастью, попался мнѣ извозчикъ, согласившійся везти меня, и я благополучно возвратился въ госпиталь, гдѣ сообщилъ страшную сцену, видѣнную мною въ городѣ. Мы съ ужасомъ ждали извѣстія о развязкѣ. Но Хлопицкій спасъ безоружныхъ плѣнниковъ. Онъ принялъ всѣ мѣры противъ кровавыхъ замысловъ черни, возбужденной варшавскими демагогами: въ замкѣ поставили караулъ, всѣ ворота заперли и завалили бревнами и камнями, такъ что всѣ усилія буйной толпы ворваться въ замокъ остались тщетными. Русскіе плѣнные были спасены.

Въ Варшавѣ образовались тогда двѣ главныя партіи. Одна умѣренная, которая, сознавая слабость Польши, желала мирнаго исхода возстанія и предлагала открыть переговоры съ петербургскимъ кабинетомъ, чтобы покориться Императору на почетныхъ условіяхъ. Диктаторъ былъ въ главѣ этой партіи. Другая, предводимая Лелевелемъ, желала борьбы и войны до послѣдней крайности. Эта крайняя партія усвоила всѣ преданія первой французской революціи и была сколкомъ корпораціи якобинцевъ: имѣла свой клубъ, называвшійся патріотическимъ, издавала свой органъ подъ названіемъ «Новая Польша»; и то и другое было подражаніемъ парижскому якобинскому клубу и журналу «L'Ami du peuple». Впослѣдствіи этой партіи удалось однажды приложить къ дѣлу свои кровавыя теоріи. Это случилось не задолго до взятія Варшавы. Между множествомъ жертвъ неистовой черни, предводительствуемой членами патріотическаго клуба, находились: г-жа Баженова, камергеръ Феншъ и польскій генералъ Янковскій, замѣчательный своею чрезмѣрною тучностію. Его буквально изрубили въ куски, которые чернь носила потомъ по Варшавѣ, крича: «котлеты изъ генерала Янковскаго».

Хлопицкій, между тѣмъ, нашелъ справедливымъ возвратить свободу всѣмъ Русскимъ, задержаннымъ въ Варшавѣ болѣзнію или силою въ первые дни возмущенія. Онъ началъ съ гражданскихъ чиновниковъ, которымъ и приказалъ выдать паспорта на проѣздъ въ Россію. Они поспѣшили этимъ воспользоваться и

оставили Варшаву. Съ завистию смотрѣли мы на ихъ отъѣздъ. Наконецъ и насъ обнадежили въ скорой выдачѣ намъ паспортовъ, тѣмъ болѣе, что диктаторъ, посѣтивъ однажды госпиталь, обошелъ всѣ палаты, былъ въ русскомъ офицерскомъ отдѣленіи и каждаго изъ насъ привѣтливо спрашивалъ, не нуждаемся ли мы въ чемъ нибудь, говорилъ, что мы всегда можемъ обращаться прямо къ нему съ нашими просьбами и что онъ сдѣлаетъ все зависящее отъ него, чтобы смягчить нашу участь.

Но недолго утѣшали мы себя надеждою на освобожденіе: крайняя партія взяла перевѣсъ, и Хлопицкій не въ силахъ былъ бороться долѣе съ бурнымъ потокомъ революціонныхъ страстей. Дѣйствовать противъ убѣжденій Хлопицкій не хотѣлъ, и потому въ январѣ 1831 года онъ сложилъ съ себя диктаторскую власть и возвратился въ ряды обыкновенныхъ гражданъ, испытавъ на себѣ ту истину, что нѣтъ ничего столь непрочнаго, какъ популярность. На бывшаго диктатора посыпались насмѣшки, памфлеты и горькіе упреки.

Тотчасъ же по удаленіи Хлопицкаго прекратилась выдача Русскимъ паспортовъ; они отбирались и у тѣхъ, которые, получа уже ихъ, не успѣли еще выѣхать изъ Варшавы. Итакъ, исчезла послѣдняя надежда на освобожденіе, и продолжительный плѣнъ сталъ нашимъ удѣломъ.

Бурная политика окончательно восторжествовала на сеймѣ, и все въ Варшавѣ запылало воинственнымъ жаромъ и стало готовиться къ отчаянной борьбѣ. Принялись укрѣплять Прагу. Въ этой работѣ принимали участіе даже дамы и дѣвицы, которыя, пріѣзжая на Прагу въ экипажахъ, брались потомъ за заступъ и копали землю вмѣстѣ съ солдатами.

Во время пребыванія моего въ Варшавѣ, мнѣ часто случалось встрѣчаться со многими изъ бывшихъ моихъ товарищей по школѣ подпрапорщиковъ польскихъ полковъ. Всѣ они были произведены въ офицеры, потому что польская армія удвоилась, въ ожиданіи событій. При этихъ встрѣчахъ, два противоположные разговора со мною означали два совершенно различные образа мыслей, правилъ, чувствъ и воспитанія. Одни съ участіемъ спрашивали меня, скоро ли надѣюсь я возвратиться на свою родину, въ среду своихъ полковыхъ сослуживцевъ. Изъ деликатности, боясь оскорбить народную гордость, они воздерживались говорить со мною о политикѣ и о современныхъ бурныхъ со-

бытіяхъ. Другіе, въ порывѣ своего дикаго патріотизма, озадачи-вали меня вопросомъ:

— Ну что? скоро пристанешь къ намъ?

— Для чего это?

— Какъ для чего! Развѣ ты не знаешь, что въ Бельгій — революція, въ Неаполѣ — революція и вездѣ революція.

— Поздравляю! Но только это не резонъ, чтобы я измѣнилъ своему отечеству. Вѣдь ты знаешь, какъ меня зовутъ.

И тутъ, произнеся мою фамилію, я дѣлалъ сильное удареніе на *овъ*.

— Правда, правда: ты—*zabity moskal* (настоящій Русскій)! отвѣтитъ мнѣ свирѣпый патріотъ, и тѣмъ дѣло кончится.

Впрочемъ, въ продолженіе моего плѣна и при разговорахъ съ разными незнакомыми Поляками, мнѣ не разъ случалось выслушивать подобныя предложенія, вслѣдствіе того, что я превосходно говорилъ по-польски. Напримѣръ:

— Отчего вы не пристаєте къ намъ?

— Оттого, что не имѣю на это желанія и никакой причины.

— Какъ никакой! вѣдь вы Полякъ.

— Нисколько.

— Ну такъ вѣрно изъ «забраннаго края».

— Да, если только Костромская губернія была когда либо «забраннымъ краемъ».

— Костромская губернія!... А гдѣ это, пане, находится такая губернія?

— Тамъ, далеко, между Москвою и Бѣлымъ моремъ.

— А какъ, панъ, называешься?

— М — овъ.

— Гм!...

И мой знаменательный *овъ*, словно ушатою холодной воды, погаситъ пропагандный жаръ польскаго патріота.

Въ концѣ января, польское правительство опредѣлило: русскихъ военно-плѣнныхъ выслать изъ Варшавы въ провинцію, гдѣ мѣстомъ пребыванія ихъ назначено мѣстечко Вальборжъ и городъ Ченстоховъ, оба въ Калишскомъ воеводствѣ, первое въ 18, а второй въ 30 миляхъ отъ Варшавы. Съ тѣмъ вмѣстѣ плѣннымъ положено содержаніе по чинамъ, а именно: прапорщику и подпоручику по 75 злотыхъ (11 р. 15 к.), поручику и штабсъ-капитану по 100, капитану по 150, маіору 180, подпол-

ковнику 200, полковнику 300 и генералу 300 зл. въ мѣсяцъ (*). Въ Вальборжъ отправили военныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, въ Ченстоховъ—генераловъ и гражданскихъ чиновниковъ.

31 января вывезены были изъ Варшавы всѣ тѣ плѣнные, которые содержались въ замкѣ. 3 февраля послѣдовали за ними и другіе, жившіе на своихъ квартирахъ. Я тоже рѣшился оставить Варшаву, хотя никто не принуждалъ меня къ тому; мнѣ казалось должнымъ раздѣлять общую участь моихъ соотечественниковъ. Утромъ, 3 февраля, я отправился къ губернатору, у котораго выдали мнѣ мѣсячное жалованье и сверхъ того 100 злотыхъ на проѣздъ. Я собрался въ дорогу съ двумя товарищами по госпиталю. Мы, втроемъ, наняли крытую жидовскую фуру за 22 р. до мѣста назначенія. Въ четыре часа по полудни собрались мы въ замкѣ, всего 60 человекъ, въ числѣ которыхъ было только пятеро военныхъ. Съ нами ѣхали два польскіе офицера, для конвоировація.

На третій день по выѣздѣ нашемъ изъ Варшавы, прибыли мы въ Вальборжъ. Это мѣстечко имѣло тогда около двухъ тысячъ жителей. Насъ помѣстили въ замкѣ, стоявшемъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ мѣстечка и бывшемъ когда-то мѣстопребываніемъ епископа. Но впоследствии епископство было упразднено и замокъ поступилъ въ казну. Принадлежащіе къ нему каменные флигеля обратились въ казармы, пустыя во время нашего прибытія въ замокъ: стоявшій тутъ полкъ конныхъ егерей отправился къ мѣсту открывавшихся военныхъ дѣйствій.

У воротъ замка мы были встрѣчены товарищами нашего плѣна, отправленными изъ Варшавы 31 января. Многіе изъ нихъ имѣли при себѣ женъ и дѣтей. Пятеро военныхъ нашего втораго поѣзда остались въ Вальборжѣ, всѣ прочіе поѣхали въ Ченстоховъ.

Смотритель замка отвелъ намъ двѣ холодныя комнаты, въ которыхъ вся мебель состояла изъ солдатскихъ кооекъ. Намъ дали еще по матрасу, набитому соломой, и по шерстяному одѣялу. Для надзора за плѣнными были назначены: комендантъ, подполковникъ Польскаго егерскаго полка Шерцель, и въ помощники ему гарнизонный капитанъ Мальскій. Сверхъ того, для защиты нашихъ интересовъ, былъ облеченъ званіемъ коменданта и одинъ изъ среды плѣнныхъ, полковникъ гвардейскаго Вольнскаго полка Факицынъ. Всѣхъ плѣнныхъ въ Вальборжѣ было

(*) Польскій злотъ равенъ нашему пятиалтынному.

вначалѣ человекъ 60. Но открывшіяся вскорѣ военныя дѣйствія увеличили это число.

Изъ газетъ узнали мы о вступленіи русской арміи въ предѣлы Польши и о первыхъ стычкахъ нашихъ войскъ съ Поляками. Скоро произошло генеральное сраженіе подъ Гроховымъ, въ которомъ отличился кирасирскій принца Альберта полкъ. Черезъ двѣ непріятельскія линіи прорубился этотъ геройскій полкъ и привелъ Поляковъ въ совершенное разстройство. Послѣ этого дѣла многіе наши раненые кирасиры, взятые въ плѣнъ, были привезены въ Вальборжъ. Вслѣдъ за кирасирами стали привозить къ намъ много новыхъ плѣнныхъ офицеровъ. Между плѣнными находился даже одинъ полковой священникъ, который, съ крестомъ въ рукахъ, отважно слѣдовалъ за своимъ полкомъ, благословляя и воодушевляя солдатъ своихъ пастырскимъ словомъ и примѣромъ. Такимъ образомъ, число плѣнныхъ возрасло до двухсотъ человекъ, не считая прислуги.

Мало по малу начали мы свыкаться съ нашею жизнію. Но невыносимо тяжело было для насъ бездѣйствіе. Мы рвались душою и мыслями къ нашимъ полкамъ, жаждали раздѣлять съ ними боевыя тревоги, завидовали ихъ счастью и съ нетерпѣніемъ и досадою владчили цѣпь своей неволи. Съ лихорадочнымъ любопытствомъ слѣдили мы за ходомъ кровавой борьбы, которая разгаралась болѣе и болѣе. Объ успѣхахъ той или другой стороны мы могли судить довольно вѣрно по нашему коменданту Шерцелю, живому барометру военныхъ дѣйствій. Какъ только Русскіе брали гдѣ либо перевѣсъ, онъ становился чрезвычайно вѣжливъ и привѣтливъ съ нами, говорилъ тихо и ласково. Но если выигрывали какое нибудь дѣло Поляки, Шерцель вдругъ перемѣнялъ свое обращеніе, становился надменнымъ, грубымъ, наглымъ и грозилъ арестомъ. Да и вообще нельзя было похвалить его. Много разныхъ непріятностей дѣлалъ онъ намъ и часто доходилъ до дерзости. За то помощникъ его, капитанъ Мальскій, былъ добрѣйшій человекъ, не сдѣлавшій никому и тѣни непріятности.

Изъ варшавскихъ газетъ мы не могли узнать истиннаго хода военныхъ дѣйствій: въ нихъ Поляки преувеличивали свой успѣхъ и неудачу противниковъ, и обратно. Но нѣкоторые изъ плѣнныхъ получали черезъ Калишъ прусскія газеты, въ которыхъ находили мы болѣе правдивыя свѣдѣнія и тѣмъ повѣряли обращеніе съ нами нашего коменданта.

Въ Вальборжѣ, для содержанія карауловъ въ замкѣ, были поставлены двѣ роты коссиньеровъ (*). Съ насъ взяли подписки не бѣжать изъ плѣна, и потому мы пользовались довольно большою свободою. Комендантъ выдалъ каждому изъ насъ билетъ на свободный выходъ для прогулокъ изъ замка въ мѣстечко, и даже за мѣстечко.

Замокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій, среди которыхъ лежала квадратная площадь, имѣвшая шаговъ двѣсти въ поперечникѣ. Съ одной стороны этой площади находилось главное двухъ-этажное зданіе, въ которомъ жилъ когда-то самъ епископъ; тутъ же была и домовая церковь. Къ зданію прилегалъ обширный паркъ. По бокамъ площади стояли еще два зданія, тоже двухъ-этажныя, въ которыхъ размѣщались плѣнные. Сверхъ того, было нѣсколько отдѣльныхъ и небольшихъ строеній. Внизу одного изъ нихъ, примыкавшаго къ воротамъ замка, была гауптвахта, занимаемая карауломъ изъ сорока человекъ коссиньеровъ. Надъ гауптвахтою жилъ комендантъ. Въ другомъ зданіи была квартира его помощника. Главное же зданіе, со дня поступленія замка въ казну, оставалось незанятымъ, и, какъ это часто бываетъ съ пустыми зданіями, носились слухи, что въ немъ по ночамъ ходятъ привидѣнія.

Кромѣ одного плохого трактира и жидовской корчмы, въ Вальборжѣ не было никакихъ другихъ заведеній. Жизненные припасы были довольно дешевы и въ изобиліи. Первое время обѣдали мы у себя, небольшими артелями, и поочередно сами готовили себѣ незатѣйливый обѣдъ. Но спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ плѣнныхъ въ Вальборжѣ, открылась въ немъ одна кофейня съ бильярдомъ, потомъ другая, и такъ, по мѣрѣ увеличенія числа плѣнныхъ, дошло до четырехъ кофейныхъ домовъ, въ которыхъ, сверхъ кофе и пунша, можно было и обѣдать. Эти дома съ утра до вечера были наполнены плѣнными, для которыхъ игра на бильярдѣ составляла любимое развлеченіе. Сверхъ того, на площади замка происходили разныя игры: въ городки, въ мячъ, въ воланъ, въ свайку.

Непремѣннымъ правиломъ выхода плѣнныхъ изъ замка было возвращаться домой къ восьми часамъ вечера. Несоблюденіе этого правила наказывалось арестомъ, если комендантъ былъ подъ

(*) Пѣхотное войско вооруженное особаго рода косами, прикрѣпленными къ длиннымъ древкамъ. Косы эти оканчивались узкимъ лезвіемъ, наподобіе кинжала, такъ что ими можно было и рубить и колоть.

вліяніемъ побѣдныхъ вѣстей, или строгимъ выговоромъ, когда вѣсти были неблагопріятны Полякамъ. Для препровожденія вечеровъ нашлось мѣсто собранія въ стѣнахъ замка: помощникъ коменданта устроилъ у себя въ квартирѣ родъ кофейни, гдѣ плѣнные собирались по вечерамъ. Тамъ они могли имѣть, за умѣренную плату, кофе, пуншъ и грогъ; но главною приманкою этихъ вечеровъ была возможность попробовать счастья на зеленомъ сукнѣ посредствомъ метанія банка или понтированія. Главнымъ банкометомъ былъ одинъ изъ плѣнныхъ, за нѣсколько дней передъ возмущеніемъ пріѣхавшій въ Варшаву получить какой-то долгъ. Не успѣвъ выѣхать изъ возмущившагося города, онъ тоже былъ задержанъ и остался въ плѣну, вмѣстѣ съ нѣсколькими мѣшками, наполненными рублями, полтинниками и прочею мелочью. Вотъ онъ и вздумалъ пустить въ оборотъ этотъ мертвый капиталъ, и каждый вечеръ возвышалась передъ нимъ на ломберномъ столѣ гора цѣлковыхъ, полтинниковъ и разной мелочи, совершенно новенькой, послѣдняго чекана, которая такъ пріятно блистала въ глазахъ молодыхъ и пожилыхъ офицеровъ и соблазняла ихъ поставить карточку, ввѣрить свой, иногда послѣдній, рубль коварной дамѣ или лукавому ваялету. Банкометь металъ банкъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, съ необыкновенною ловкостію и всегда былъ въ выигрышѣ, такъ что многіе платили ему большую или меньшую дань, а нѣкоторые оставляли у него все свое мѣсячное содержаніе и потомъ, какъ говорится: «клали зубы на полку».

Время отъ времени посѣщаль я эти вечера и присутствовалъ при битвахъ на зеленомъ сукнѣ, но какъ простой наблюдатель, а отнюдь не какъ дѣйствователь. На одномъ изъ этихъ вечеровъ возникъ случай, который имѣлъ потомъ самыя грустныя послѣдствія, и подъ конецъ нашего плѣна разрѣшился кровавымъ событіемъ—поединкомъ. Вотъ какъ это началось и продолжалось.

Между плѣнными находился одинъ, который имѣлъ самую некрасивую наружность. Природное безобразіе этого господина увеличивалось еще тѣмъ, что онъ носилъ шапку смѣшнаго, уродливаго до неприличія фасона. Физіономія эта, въ соединеніи съ шапкою, представляла разительное сходство съ орангутангомъ, такъ что несчастный обладатель такого фатальнаго соединенія вызывалъ невольную улыбку и потомъ проводы глазами во всѣхъ, съ кѣмъ онъ ни встрѣчался, а въ нѣкоторыхъ возбуждалъ хохотъ и злыя насмѣшки. Но ко всему привыкаютъ;

привыкли, поэтому, и къ некрасивому господину и перестали обращать на него особенное вниманіе.

Однажды я засидѣлся на картежномъ вечерѣ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ по варшавской службѣ, молодымъ и весьма красивымъ собою Л*. Выйдя изъ комнаты, гдѣ происходила игра, мы подошли къ столу, на которомъ лежала куча фуражекъ, и стали отыскивать свои собственныя. Въ ту же самую минуту, подошелъ къ столу и некрасивый господинъ, которому нетрудно было отыскать свою уродливую шапку, рѣзко отличавшуюся отъ всѣхъ прочихъ. Но, взявъ ее въ руки, онъ скорчилъ самую уморительную гримасу: шапка была наполнена водою или другою какою жидкостію, неизвѣстно, точно такъ же, какъ неизвѣстно было и то, кто сыгралъ съ некрасивымъ господиномъ такую неблагородную, низкую шутку. Замѣтивъ эту продѣлку, я переглянулся съ моимъ товарищемъ, и мы невольно улыбнулись. Эти едва замѣтныя улыбки не ускользнули отъ вниманія некрасиваго господина: онъ свирѣпо взглянулъ на насъ, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и, кажется, заподозрилъ одного изъ насъ въ сыгранной съ нимъ шуткѣ.

На другой день, около полудня, Л* находился въ одномъ изъ кофейныхъ домовъ Вальборжа. Сыгравъ нѣсколько партій на бильярдѣ и уступивъ мѣсто другому, онъ прислонился къ стѣнѣ и, опустивъ голову на грудь, погрузился въ глубокое размышленіе, не замѣчая и не слыша, что дѣлалось и говорилось вокругъ его. Въ эту минуту входитъ въ бильярдную некрасивый господинъ, торопливо, какъ бы украдкою приближается къ Л*, ударяетъ его перчаткою по носу, проговоривъ: «вотъ тебѣ за мою шапку!» и, по нанесеніи этой кровавой обиды, выбѣгаетъ изъ комнаты прежде, нежели молодой Л* и всѣ присутствующіе могли прійти въ себя и выразить свое негодованіе за наглое и безчестное нападеніе. Наконецъ послѣдовалъ самый грозный и единодушный взрывъ этого негодованія: и игравшіе на бильярдѣ и смотрѣвшіе на игру выбѣжали изъ кофейни; но некрасивый господинъ былъ уже далеко и удиралъ такъ скоро, что невозможно было догнать его.

Трудно изобразить положеніе Л* послѣ нанесенія ему жестокаго и ничѣмъ незаслуженнаго оскорбленія. Это былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ молодыхъ людей, прекрасно воспитанный и изъ лучшаго общества. Онъ сейчасъ же возвратился въ замокъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотоварищей, задержан-

ныхъ въ Варшавѣ. Войдя съ ними въ свою комнату, сталъ онъ держать совѣтъ о томъ, какъ бы уладить дѣло поединка. У него была пара превосходныхъ кухенрейтерскихъ пистолетовъ, которые удалось ему скрыть отъ Поляковъ и которые хранилъ онъ на днѣ своего чемодана.

Доставши эти пистолеты, онъ сталъ совѣщаться, гдѣ бы и какъ бы достать пороху и пуль, но такъ, чтобы объ этомъ никто не узналъ и не довелъ до свѣдѣнія коменданта, потому что плѣннымъ не дозволялось имѣть при себѣ никакого оружія. Но вѣсть о происшествіи въ кофейномъ домѣ быстро распространилась въ замкѣ и дошла до коменданта, который сейчасъ же отправилъ къ Л* своего помощника, для узнанія, что и какъ съ нимъ случилось.

Капитанъ Мальскій вошелъ въ комнату къ Л* такъ скоро и неожиданно, что тотъ не успѣлъ спрятать своихъ пистолетовъ, которые тутъ же и были отъ него отобраны и доставлены къ коменданту. Л* была выдана росписка, съ обязательствомъ возвращенія ему этихъ пистолетовъ сейчасъ по окончаніи плѣна.

Итакъ, немедленный поединокъ сдѣлался невозможнымъ: Л* долженъ былъ носить въ своемъ сердцѣ кровавую обиду и страдать день и ночь неутолимою жаждою мести. Некрасивый господинъ сталъ невидимъ: не покидалъ своей комнаты въ продолженіе дня, выходилъ на свѣжій воздухъ только по вечерамъ, украдкою, тщательно избѣгая встрѣчи съ Л* и съ его товарищами...

Съ наступленіемъ теплаго времени, начались прогулки по окрестнымъ рощамъ и деревнямъ. Въ особенности посѣщали мы часто фольваркъ (усадьбу) одного богатаго пана, управляющій котораго держалъ на арендѣ его скотный дворъ. Онъ угощалъ насъ—разумѣется, за деньги—отличными сливками, сметаною и творогомъ. Это было любимое наше лакомство.

VI.

Довольно спокойно жили мы въ Вальборжѣ. Жители были очень смиренны и привѣтливы къ плѣннымъ, отъ которыхъ получали значительныя выгоды, такъ что тихое и скучное до того мѣстечко, благодаря пребыванію въ замкѣ двухсотъ русскихъ офицеровъ, не считая ихъ прислуги, чрезвычайно оживилось. Мирная тишина нашей жизни въ Вальборжѣ была нарушена случаемъ, который произвелъ сильную тревогу между плѣнными.

Въ числѣ нашихъ сотоварищей находилось одно прекуррьезное лицо: нѣкто Зе—ка, невысокаго роста, сложенный на по-

добіе деревяннаго отрубка, съ лицомъ круглымъ, одутловатымъ, песочнаго цвѣта, съ глазами оловянными на выкатѣ, онъ представлялъ весьма уморительную фигуру. У него были двѣ особенности. Первая—страсть къ пѣнію и претензія на превосходное знаніе вокальнаго искусства. Это былъ неизбѣжный учредитель, запѣвало и дирижеръ всѣхъ хоровъ и всевозможнаго пѣнія между плѣнными. Вторая его особенность состояла въ привычкѣ говорить часто: «не приведи Богъ, ребро». Увидитъ ли онъ, что кто нибудь поскользнется и упадетъ, или кто начнетъ съ кѣмъ нибудь бороться, рассказываютъ ли при немъ о какомъ нибудь случаѣ, о паденіи изъ экипажа, съ лошади, о ссорѣ, о дуэли, первое, что сорвется у него съ языка, это фраза: «не приведи Богъ, ребро».

Этотъ оригиналь обѣдалъ постоянно въ мѣстечкѣ, у какой-то панны Розаліи, съ которою онъ былъ въ большой дружбѣ; для всѣхъ другихъ плѣнныхъ панна Розалія оставалась чѣмъ-то въ родѣ ииѳа, потому что ее никто никогда не видалъ. Знали только, что Зе—кѣ покровительствовала въ Вальборжѣ какая-то благодѣтельная фея, по имени Розалія, питавшая и тѣло и сердце меломана.

Я помѣщался въ небольшой комнатѣ вдвоємъ съ однимъ товарищемъ. Возлѣ была большая, длинная зала, занятая плѣнными, вмѣстѣ съ которыми жилъ и Зе—ка. Однажды вечеромъ собралась въ этой залѣ большая компанія. Разговаривали о войнѣ, мечтали объ освобожденіи, пѣли. Часу въ девятомъ входитъ въ залу какой-то мальчикъ, спрашиваетъ Зе—ку и отдаетъ ему записку, присланную отъ панны Розаліи. Зе—ка прочиталъ и поблѣднѣлъ. Надо сказать, что онъ былъ величайшій трусъ. Всѣ замѣтили его испугъ, и, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и объясненій, оказалось вотъ что: панна Розалія уведомляла Зе—ку, что въ полночь Поляки намѣрены сдѣлать нападеніе на замокъ и перерѣзать всѣхъ плѣнныхъ. Поэтому она совѣтовала Зе—кѣ принять мѣры къ своему спасенію.

Трудно изобразить впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ извѣстіемъ, которое черезъ нѣсколько минутъ распространилось по всему замку, и всѣ плѣнные высыпали на площадь. Былъ прекрасный, теплый майскій вечеръ. Образовалось нѣсколько кружковъ, въ которыхъ обсуживали свое положеніе и сообщенную намъ вѣсть. Одни вѣрили, другіе нѣтъ, и всякій подавалъ какое нибудь мнѣніе. Нѣкоторые предлагали крайнюю от-

чаянную мѣру: предупредить нападеніе на насъ и сейчасъ же броситься на караулъ изъ коссиньеровъ, отнять у нихъ косы, которыми вооружить нашъ авангардъ, и всѣмъ вмѣстѣ, оставя замокъ, пробраться лѣсами до прусской границы.

Предложеніе это было слишкомъ нелѣпо, чтобы принять его за серьезное, тѣмъ болѣе, что большинство сомнѣвалось въ истиннѣ извѣстія, сообщеннаго панною Розалією, и подозрѣвало тутъ какое нибудь недоразумѣніе.

Другіе совѣтовали возвратиться въ свои комнаты, запереть двери, сдѣлать, на всякій случай, около нихъ баррикады изъ коекъ; спокойно ожидать нападенія и дорого продать свою жизнь. Но—увы!—все оружіе наше состояло въ сучковатыхъ можже-ловыхъ палкахъ, вошедшихъ между нами въ моду и находившихся почти у каждаго плѣннаго. Но съ такимъ вооруженіемъ едва ли возможно было дорого продать свою жизнь, если бы и дѣйствительно дошло до необходимости потерять ее. Мы чувствовали, что положеніе наше безвыходно. Часа два провели мы на площади въ бесплодныхъ совѣщаніяхъ и наконецъ разошлись по квартирамъ. Я принадлежалъ къ невѣрующимъ въ извѣстіе отъ панны Розаліи. Возвратясь въ свою комнату, я легъ, не раздѣваясь, имѣя на себѣ шинель въ рукава, положилъ возлѣ себя сучковатую палку и заснулъ. Ровно въ полночь кто-то отворилъ дверь и прокричалъ: «спасайтесь! идуть!»

Я вскочилъ на ноги и подошелъ къ окну, выходившему къ воротамъ замка. Луна была въ полномъ сіяніи, и потому я хорошо разсмотрѣлъ, что дѣлалось на дворѣ. Въ полурастворенныя ворота входила въ замокъ толпа, вооруженная косами. Въ ту же самую минуту раздались шумъ, стукъ и крики въ сосѣднихъ комнатахъ. Въ залѣ особенно раздавался сильный голосъ Зе—ки: «Не приведи Богъ, ребро! гдѣ мой сапогъ? кто взялъ мой сапогъ? не приведи Богъ, ребро!»

Вслѣдъ за тѣмъ поднялась бѣготня по корридорю, раздался стукъ придвигаемыхъ къ дверямъ коекъ. Я вышелъ въ корридоръ, и первый человѣкъ, попавшійся мнѣ на встрѣчу, былъ Зе—ка. Въ одной рукѣ держалъ онъ шинель, въ другой сапогъ: одинъ сапогъ былъ у него на ногѣ. Стремглавъ побѣжалъ онъ внизъ по лѣстницѣ. Нѣкоторые пробирались на чердакъ. Кругомъ стоны, восклицанія, брань, проклятія, — однимъ словомъ, картина невообразимаго смятенія и хаоса, точно настала послѣдній день свѣта.

Я сошелъ съ лѣстницы. Въ сѣняхъ и передъ сѣнями на площадкѣ столпилось человекъ пятьдесятъ пѣнныхъ. Я вмѣшался въ толпу, по пословицѣ: «на людяхъ и смерть красна». Направо, шагахъ въ пятидесяти, была гауптвахта. На платформѣ стоялъ караулъ въ ружьѣ, то есть съ косами. Передъ карауломъ былъ выстроенъ отрядъ коссиньеровъ, видѣнный мною еще изъ окна. Передъ отрядомъ стоялъ командующій имъ офицеръ.

Прошло съ четверть часа времени въ совершенной тишинѣ и безмолвіи. Мы смотрѣли на коссиньеровъ, они на насъ. Наконецъ командующій ими офицеръ подошелъ къ намъ и очень вѣжливо спросилъ, отчего это мы не спимъ въ такое позднее время.

— Мы ожидаемъ, что насъ будутъ рѣзать.

— Кто, какъ и почему? спросилъ офицеръ.

Мы сообщили ему то, что было намъ передано о намѣреніи напасть на насъ. Офицеръ засмѣялся и разсвѣялъ наши опасенія слѣдующимъ объясненіемъ:

Польское революціонное правительство, рѣшившись на отчаянную борьбу, вздумало прибѣгнуть къ самой крайней мѣрѣ, которая въ польской исторіи извѣстна подъ названіемъ «посполите рушенье» (всеобщее возстаніе). Съ этою цѣлью, по всей Польшѣ поставлены были на возвышенныхъ мѣстахъ длинные шести, съ привязанными на верху смолеными боченками, обернутыми соломою. Эти шести, смотря по удобству мѣстностей, находились одинъ отъ другаго на разстояніи 10, 15 и 20 верстъ. При появленіи Русскихъ, предполагалось зажигать смоленые боченки. Завидя такой сигналъ, всѣ жители близлежащихъ мѣстечекъ и деревень должны были немедленно вооружаться топорами, косами, вилами и, оставляя свои жилища, удалаться въ лѣса и оттуда уже нападать на Русскихъ врасплохъ и не давать имъ покоя. Для этого приказано было начальникамъ мѣстечекъ и деревень пріучать жителей къ постоянной осторожности и, съ тою же цѣлью, дѣлать время отъ времени фальшивыя тревоги.

Дня за два передъ тѣмъ, бургомистръ Вальборжа получилъ подобное предписаніе и, собравъ въ этотъ день всѣхъ жителей мѣстечка, объявилъ имъ, чтобы всѣ они были во всякое время готовы къ выступленію изъ своихъ жилищъ и ночью, по первому удару колокола, собирались бы около ратуши, вооруженные кто чѣмъ можетъ.

Жители не поняли въ чемъ дѣло и не знали, для чего дано имъ такое приказаніе. Нѣкоторые изъ нихъ воображали, что

русскіе плѣнные, содержащіеся въ замкѣ, замышляютъ напасть на мѣстечко и перерѣзать обывателей. Эта нелѣпная догадка мигомъ распространилась между жителями; а такъ какъ день случился праздничный и много нашлось пьяныхъ, то во всемъ Вальборжѣ произошло сильное волненіе и раздраженіе: на плѣнныхъ посыпались брань и угрозы, и дѣло могло принять очень дурной для насъ оборотъ.

Бургомистръ старался успокоить жителей, представляя имъ нелѣпность распушеннаго слуха. Между тѣмъ, въ видахъ нашей безопасности, нашли благоразумнымъ удвоить, на всякій случай, караулъ въ замкѣ. Для этого-то и пришелъ ночью въ замокъ отрядъ коссиньеровъ.

Итакъ, съ обѣихъ сторонъ произошла фальшивая тревога, которая разрѣшилась очень мирно. Мы возвратились въ комнаты и очень спокойно проспали остатокъ ночи, но только не всѣ; нѣкоторые изъ насъ провели ее нѣсколько иначе: одни на деревьяхъ въ паркѣ, другіе забившись въ кусты и разныя труппы.

На другой день все пришло въ порядокъ, и всѣ отъ души смѣялись ночной передрагѣ, доставившей намъ самыя сильныя ощущенія.

VII.

Пять мѣсяцевъ прожили мы въ Вальборжѣ. Жестоко надоѣлъ намъ плѣнъ нашъ, которому не видѣли мы конца. Къ скукѣ и тоскѣ нашей неволи присоединялась иногда горькая нужда. Хотя и возможно было существовать жалованьемъ, отпускаемымъ намъ отъ временнаго правительства, но жалованье это не всегда аккуратно выплачивалось, и мы, по случаю оскуднѣнія польской казны, иногда дожидались его мѣсяца по два. Въ это время многіе не шутя голодали по нѣскольку дней и находились на пищѣ св. Антонія. Помню, какъ одинъ, обладавшій громаднымъ аппетитомъ и голодавшій болѣе сутокъ, купилъ въ долгъ у одного коссиньера фунта три чернаго, солдатскаго хлѣба, чрезвычайно черстваго. Онъ принялся убирать его съ видимымъ наслажденіемъ. Когда онъ былъ уже на половинѣ своей закуски, кто-то сказалъ ему:

— Да ты бы взялъ соли да воды: все бы легче было глотать этотъ черствый хлѣбъ.

— Знаю, да только тогда *скоро съѣстся*.

Какъ изволите видѣть, онъ лакомился такою ультра-спартанскою трапезою и хотѣлъ продлить свое гастрономическое наслажденіе.

Въ началѣ іюля стали поговаривать, что насъ увезутъ изъ Вальборжа куда-то далѣе во внутрь края. Слухъ этотъ скоро оправдался. 6 іюля объявили намъ, что черезъ два дня мы должны оставить замокъ и ѣхать въ Краковское воеводство, но неизвѣстно, куда именно. Польское правительство удаляло насъ во внутрь страны для того, чтобы, съ перенесеніемъ театра войны на лѣвый берегъ Вислы, мы не были отбиты и освобождены изъ плѣна русскими войсками.

Итакъ, 8 іюля мы оставили Вальборжъ. Жителя мѣстечка очень сожалѣли о нашемъ отъѣздѣ, потому что лишались значительныхъ заработковъ и прибылей, которые получались отъ плѣнныхъ. Насъ раздѣлили на двѣ партіи; одну послѣ другой предназначено отправить черезъ день. Намъ роздали обывательскія подводы, по одной на двухъ плѣнныхъ: это были польскія крестьянскія фуры, запряженныя парюю воловъ и даже коровъ, и потому переѣздъ нашъ совершался чрезвычайно медленно, и мы, по большей части, шли пѣшкомъ и приходили къ ночлегамъ гораздо ранѣе нашихъ «экипажей». Цѣлые четыре дня тащились мы до города Кельцы, лежащаго въ двѣнадцати миляхъ отъ Вальборжа и въ тридцати отъ Варшавы. Кельцы былъ главнымъ городомъ въ Краковскомъ воеводствѣ. Небольшой, но хорошо обстроенный, чрезвычайно опрятный и лежащій въ очень живописной мѣстности, окруженный со всѣхъ сторонъ горами, городъ этотъ замѣчателенъ еще по совершенному отсутствію Евреевъ, которымъ, въ силу какого-то стариннаго закона, не дозволялось проживать тутъ. Въ то время въ Кельцахъ находилась и главная квартира польскихъ резервныхъ войскъ.

Кельцы оставили во мнѣ низгладимыя воспоминанія по тремъ обстоятельствамъ: первое—не доѣзжая верстъ десять до города, насъ захватила страшнѣйшая гроза, какую рѣдко видалъ я, и насъ буквально промочило до костей. Второе—въѣздъ нашъ въ этотъ городъ принадлежалъ къ однѣмъ изъ самыхъ тяжелыхъ, мучительныхъ минутъ нашего плѣна: толпы народа встрѣчали и провожали насъ страшно-непривѣтливо.

Наконецъ третье обстоятельство было далеко не такого мрачнаго колорита, какъ первыя два. Квартира была отведена мнѣ съ товарищемъ въ одномъ одноэтажномъ каменномъ домѣ. Тутъ же находилась и кофейня, дверь которой была прямо противъ двери моей квартиры. А въ этой кофейнѣ прислуживала ка-

сіярка (*), панна Іоганна или Іогася. Это была 18-лѣтняя брюнетка, высокая, стройная и поразительной красоты дѣвушка.

Владѣя превосходно польскимъ языкомъ, я позволилъ себѣ вступить съ нею въ разговоръ, который умѣла она поддерживать необыкновенно живо, остро и увлекательно. Впрочемъ, это одно изъ отличительныхъ качествъ Полекъ, и не только высшаго или средняго, но даже и низшихъ классовъ. Не обладая блестящимъ образованіемъ или воспитаніемъ, онѣ имѣютъ врожденный даръ поддерживать всегда веселый, живой и занимательный, хотя и легкій разговоръ, безъ малѣйшаго жеманства или педантизма. Достаточно разъ побывать въ польскомъ домѣ, чтобы дама или дѣвица, при первой же затѣмъ встрѣчѣ, заговорила съ вами безъ всякаго принужденія и застѣнчивости, какъ съ давнишнимъ знакомымъ.

Послѣ часа самой оживленной бесѣды съ панною Іогасею, мы разстались, какъ добрые знакомые, сказавши другъ другу: «до свиданія», хотя шансы и непредвидѣнные перипетіи войны дѣлали это *до свиданія* болѣе нежели загадочнымъ. Но «гора съ горою не сходятся, а человѣкъ съ человѣкомъ встрѣчается», говоритъ пословица. И на этотъ разъ мудрость пословицы оправдалась вполне, какъ это будетъ видно впоследствии.

Въ Кельцахъ мы узнали о новомъ мѣстѣ нашего назначенія. То были Лубницы, замокъ графа Потоцкаго, лежащій близъ австрійской границы, въ восьми миляхъ отъ Кельць. Іюля 14 прибыли мы въ новое мѣсто нашего заключенія. Замокъ, или, вѣрнѣе, дворецъ этотъ уже болѣе тридцати лѣтъ былъ необитаемъ и снаружи носилъ на себѣ слѣды запустѣнія, сохраняя внутри все прежнее великолѣпіе. Превосходные фрески на стѣнахъ и на потолкахъ поражали свѣжестью и яркостью красокъ; вездѣ мраморъ, рѣзьба и позолота. И какой контрастъ составляли мы съ этимъ великолѣпіемъ! По всѣмъ комнатамъ разбросаны были наши чемоданы и мѣшки; паркетъ вездѣ заваленъ соломой, на которой спали мы вповалку. Что бы сказали прежніе обитатели этого дворца, при взглядѣ на такое безобразіе въ ихъ росписныхъ и золоченыхъ покояхъ, и на незваныхъ гостей, пришельцевъ далекаго сѣвера, которые, однакожь, охотно отказались бы отъ этого пышнаго помѣщенія и предпочли бы ему

(*) Въ Варшавѣ и во всѣхъ городахъ Польши, въ кофейныхъ домахъ и въ нѣкоторыхъ трактирахъ, прислуживаютъ не мужчины, половые или гарсоны, а дѣвушки, называемыя «кавіярками»,—большою частію, молодыя и красивыя собою.

ночлегъ подь открытымъ небомъ, на голой землѣ, но на бивуакахъ, но съ товарищами по войнѣ, а не по плѣну.

Замокъ не могъ выѣстить всѣхъ плѣнныхъ, и черезъ день послѣ нашего туда прїѣзда шестьдесятъ человекъ изъ насъ были назначены въ мѣстечко Олесницы, находившееся въ полумилѣ отъ замка. Я былъ въ этомъ числѣ. Но мы тутъ прожили не болѣе двухъ недѣль. Кратковременное пребываніе наше въ Олесницахъ ознаменовалось двумя событіями.

Между нами находилось человекъ двадцать классныхъ чиновниковъ. Польское правительство разсудило, въ видахъ экономіи, возвратить имъ свободу и дозволило ѣхать въ Россію черезъ Пруссію. Разумѣется, они немедленно воспользовались этимъ разрѣшеніемъ. Какъ завидовали мы ихъ счастью, когда они прощались съ нами и, снабженные пропускными билетами, отправились къ предѣламъ отечества!

Другимъ событіемъ была холера. Она все гналась за нами: только что выѣхали мы изъ Варшавы, она явилась туда и начала свои опустошенія. Оставили мы Вальборжъ, и она показала тамъ сейчасъ послѣ нашего отъѣзда. Наконецъ эта неотвязная гостыя нагнала насъ въ Олесницахъ; но она была къ намъ милостива и напала по преимуществу на жителей мѣстечка, похищая ихъ десятками. Изъ плѣнныхъ умерли только трое: жена полковника Факицына, одинъ казацкій офицеръ да еще деньщикъ одного изъ офицеровъ.

Между тѣмъ, операціонная линія русскихъ войскъ все расширялась, и насъ послали еще далѣе, въ мѣстечко Опатовецъ, отстоящее на пять миль отъ Олесницъ. 28 іюля прибыли мы на это новое и послѣднее мѣсто нашего жительства. Опатовецъ лежалъ на самомъ берегу Вислы, въ шести миляхъ отъ Кракова. Другой берегъ рѣки принадлежалъ австрійской Галиціи. Вальборжъ могъ назваться столицею въ сравненіи съ Опатовцемъ, бѣднымъ, грязнымъ мѣстечкомъ, въ которомъ было не болѣе шестисотъ жителей. Насъ размѣстили по обывателямъ, въ ихъ жалкихъ лачугахъ. Трудно вообразить всю скуку, тоску нашей жизни, въ которой уже не было никакого развлеченія, кромѣ уженья рыбы да купанья въ Вислѣ. Въ особенности для меня купанье было истиннымъ и единственнымъ удовольствіемъ. Квартира моя находилась возлѣ самой Вислы. Выѣтъ со мною стояли еще трое: казакъ, драгунъ и артиллеристъ. Съ послѣднимъ я былъ очень друженъ. Оба мы превосходно плавали,

потому что оба окончили курсъ въ школѣ плаванія и получили аттестаты на совершенное знаніе этого искусства.

На другой же день прибытія нашего въ Опатовецъ мы пошли купаться и поплыли на противоположный берегъ. Противъ самаго мѣстечка, съ австрійской стороны, впадала въ Вислу рѣка Дунаецъ. Подплывъ къ австрійскому берегу, мы хотѣли было выйти на песчаную косу, при соединеніи двухъ рѣкъ, но должны были отказаться отъ этого намѣренія и сейчасъ же плыть обратно, и вотъ почему: по всему берегу Вислы, граничившей съ Польшею, былъ протянутъ кордонъ изъ австрійскихъ солдатъ, которые имѣли строжайшее приказаніе не только никого не пропускать изъ Польши въ Галицію и наоборотъ, но даже не позволять кунающимся и переплывающимъ рѣку выходить на австрійскій берегъ для отдохновенія. Нѣсколько разъ пытались мы ступить хотя на минуту на землю Галиціи, но всякій разъ, когда слишкомъ близко подплывали къ берегу, грозное «зигіск» (назадъ) раздавалось въ нашихъ ушахъ, и вслѣдъ затѣмъ часовой взводилъ курокъ и начиналъ прицѣливаться въ одного изъ насъ. Шутка была плохая, и мы поспѣшно удалялись отъ негостепріимнаго берега, посылая Австрійцамъ нѣсколько крупныхъ, энергическихъ эпитетовъ.

Между тѣмъ, жизнь наша становилась день ото дня нестерпимѣе: содержаніе отъ Поляковъ получали мы весьма неаккуратно, да и то польскими ассигнаціями, курсъ которыхъ чрезвычайно упалъ; жизненные же припасы въ Опатовцѣ были гораздо дороже, чѣмъ въ Вальборжѣ, такъ что нѣкоторые изъ плѣнныхъ, доведенные до крайности, вынуждены были наниматься въ молотильщики хлѣба, чтобы не умереть съ голоду. Ко всему этому присоединились еще разныя непріятности, которыя ежедневно переносили мы отъ мѣстнаго бургомистра. Этотъ бургомистръ старался всѣми способами вымѣщать на насъ свою ненависть къ «москалямъ». Коменданта нашего, Шерпеля, тоже нельзя было похвалить за его обращеніе съ нами; но въ послѣднее время, предвидя неблагопріятный для Поляковъ исходъ войны, онъ очень присмирѣлъ, сдѣлался гораздо вѣжливѣе съ нами и даже явно принялъ нашу сторону въ непрерывныхъ столкновеніяхъ съ паномъ бургомистромъ, дюжимъ и усатымъ Полякомъ, котораго, за его «продерзости», наказывали мы по своему. Соберемся, бывало, вечеромъ подъ окнами его дома, и, подъ ди-

рекцію неизбежнаго Зе-ки, грянемъ огромнымъ, оглушительнымъ хоромъ пѣсню:

Ужь какъ шла, прошла Федосья изъ царова кабака.

И прогорланимъ всѣ безчисленные куплеты этой эксцентрической народной пѣсни, которая, несмотря на различіе между русскимъ и польскимъ языками, была достаточно понимаема бургомистромъ и разшевеливала его жолчь. Надо было видѣть его бѣшенство, сопровождаемое «тысянцами и милліонами дьябловъ», безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ «родовитый Полякъ». «Дьябель!...» Это—неизбѣжная и универсальная формула, альфа и омега мужской сарматской рѣчи. Кто жывалъ въ Польшѣ, тотъ подтвердитъ мои слова.

Истомившись нашею тяжкою неволею, мы возымѣли намѣреніе бѣжать изъ плѣна и составили слѣдующій планъ: написали на нѣмецкомъ языкѣ къ австрійскимъ властямъ письмо, въ которомъ, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, изображали мы наши страданія и просили дозволенія переправиться черезъ Вислу и потомъ идти берегомъ этой рѣки до тѣхъ поръ, пока поровняемся съ аванпостами русской арміи. Написавши это письмо и запечатавъ его въ конвертъ, завернули въ клеенку, къ которой прикрѣпили небольшой камень, чтобы ловко было бросить его на берегъ, и затѣмъ стали выжидать удобнаго случая послать по адресу это прошеніе, подписанное почти всѣми плѣнными. Передъ тѣмъ, мы нѣсколько разъ видѣли австрійскихъ офицеровъ, прохаживавшихся на противоположномъ берегу Вислы, а теперь уже караулили, когда они снова тамъ появятся. Передача пакета была поручена мнѣ и моему другу, который превосходно зналъ нѣмецкій языкъ.

И вотъ, однажды, даютъ намъ знать, что нѣсколько австрійскихъ офицеровъ появилось на берегу Вислы. Въ одну минуту сбѣгаемъ мы съ высокаго и крутаго берега, раздѣваемся и плывемъ на ту сторону. Я вложилъ пакетъ въ мою фуражку, которую, передъ отплытіемъ, надѣлъ крѣпко себѣ на голову. Подплываемъ къ тому самому мѣсту, гдѣ находились Австрійцы. Товарищъ мой вступаетъ съ ними въ переговоры, а я вынимаю изъ фуражки пакетъ и готовлюсь бросить его на берегъ, довольно отлогій. Но Австрійцы отвѣчаютъ, что они не могутъ ни вступать съ нами въ переговоры, ни даже принять отъ насъ бумагу. Вслѣдъ за этимъ отказомъ, они подзываютъ къ себѣ

двухъ часовыхъ. Я было сдѣлалъ движеніе рукою, чтобы бросить пакетъ, но одинъ изъ Австрійцевъ, полковникъ, сейчасъ приказалъ часовымъ прицѣлываться въ насъ и грозно закричалъ, чтобы мы немедленно удалились отъ берега.

— А если мы бросимъ пакетъ на берегъ? Вѣдь онъ назначенъ не вамъ, а высшему вашему начальству.

— Тогда я сейчасъ же прикажу стрѣлять въ васъ; вы такъ близки отъ берега, что промаха быть не можетъ, отвѣчалъ флегматически бѣлофтанникъ.

— Отчего жъ вы не хотите прочитатъ наше письмо? Отъ этого не будетъ вамъ никакого зла.

— Оттого, что это ни къ чему не поведетъ.

— Да развѣ можете вы знать мысли вашихъ начальниковъ? Можетъ быть, прочитавъ описаніе всѣхъ нашихъ страданій, они позволятъ намъ переплыть на вашъ берегъ? Вѣдь мы не требуемъ отъ васъ никакихъ пожертвованій, ни малѣйшаго пособія, а только просимъ дозволить пройти берегомъ Вислы нѣсколько миль. Отъ этого вамъ не будетъ никакого ущерба.

— Я знаю заранѣе, что начальство наше не согласится на вашу просьбу, потому что мы обѣщали соблюдать строгій нейтралитетъ,

— Позвольте намъ хоть отдохнуть на берегу: мы устали. А рѣка и широка, и глубока, и быстра.

— Сохрани васъ Боже! Австрійскія пули сейчасъ накажутъ васъ за дерзкое ослушаніе.

— Да вѣдь мы утонемъ, не отдохнувши здѣсь. Мы очень утомились. И вамъ не жаль отправить насъ на дно Вислы?

— Не утонете: когда переплыли сюда, то можете переплыть и обратно. Вѣдь мы видимъ, что вы хорошо умѣете плавать. Мы же васъ научили этому искусству.

Австріецъ говорилъ правду: когда учреждали школу плаванья, въ Маримонтѣ, близъ Варшавы—это было въ 1823 году—то первыми нашими инструкторами были нѣсколько австрійскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, присланныхъ тогда въ Варшаву изъ Вѣны. У меня даже осталась въ памяти фамилія одного изъ этихъ офицеровъ. Это подполковникъ Крикъ. Въ школѣ плаванія было семь классовъ. Экзаменъ для перехода изъ пятаго класса въ шестой состоялъ въ томъ, чтобы переплыть Вислу безъ отдыха шесть разъ сряду, а экзаменъ изъ шестаго въ седьмой: переплыть Вислу два раза, но въ мундирахъ. Въ седьмомъ клас-

съ оканчивали уже полный курсъ плаванія и получали аттестать.

Итакъ, экспедиція наша не имѣла успѣха, и мы возвратились раздосадованные негостепріимными, безчувственными и эгоистическими Австрійцами, которымъ отъ души пожелали всего нехорошаго.

VIII.

Наконецъ дожили мы до сентября. Въ концѣ августа последовалъ кровавый эпилогъ кровавой эпопеи: трехдневный кровопролитный штурмъ, послѣ котораго Варшава пала, и русскія войска вступили въ столицу Польши. Первую вѣсть объ этомъ событіи сообщилъ намъ австрійскій офицеръ. Это было 4 сентября. Я сидѣлъ съ товарищемъ въ нашей лачугѣ, какъ кто-то прибѣгаетъ къ намъ и говорить:

— М—овъ и Л., плывите поскорѣе черезъ Вислу: тамъ стоитъ одинъ Австріецъ и что-то кричитъ намъ и машетъ рукою; но мы ни слова не понимаемъ по-нѣмецки.

Черезъ десять минутъ мы уже въ Вислѣ и плывемъ къ другому берегу, съ котораго Австріецъ кричитъ намъ:

— Камрадъ! Поздравляю васъ: Варшава взята и плѣнъ вашъ скоро окончится.

Мы не смѣемъ вѣрить счастливой вѣсти, тѣмъ болѣе, что австрійскій офицеръ, видно, радуясь за насъ, хлебнулъ не одинъ лишній стаканъ венгерскаго и едва держался на ногахъ; но мы спѣшимъ обратно съ радостною вѣстію. На берегу ожидала насъ съ нетерпѣніемъ куча плѣнниковъ, которымъ, еще издали, сообщили мы слышанное отъ Австрійца, и громкое «ура» привѣтствовало наше вступленіе на берегъ. Это былъ настоящій праздникъ: всѣ ожили и повеселѣли. Черезъ два дня послѣ того получена была изъ Кракова газета, которая подтвердила извѣстіе о взятіи Варшавы.

11 сентября, въ продолженіе всей ночи, ретировались черезъ Опатовецъ польскіе резервы, подъ начальствомъ генерала Ружицкаго. Они спѣшили по дорогѣ къ Кракову, чтобы оттуда перейти въ Австрію. 12 числа, на другомъ берегу Вислы появилось нѣсколько австрійскихъ офицеровъ. Они махали намъ платками, и вслѣдъ за этими дружественными изъявленіями отчалила отъ берега лодка съ однимъ гребцомъ и, переплывъ рѣку, пристала къ нашему берегу. Австрійскіе офицеры прислали намъ поздравленія со скорымъ освобожденіемъ изъ плѣна

и ящикъ венгерскаго, предлагая намъ общій съ ними тостъ въ честь побѣдителей Варшавы.

Насталъ наконецъ день 13 сентября. Это было въ воскресенье. Съ самаго утра и въ продолженіе цѣлаго дня раздавались въ сторонѣ ружейныя выстрѣлы, и Еврей начали сообщать намъ извѣстіе о движеніи войскъ и увѣряли, что мы уже почти свободны, потому что русскія войска, преслѣдующія по пятамъ остатки польскихъ войскъ, находились впереди насъ на дорогѣ между Опатовцемъ и Краковомъ. Еврей съ видимымъ удовольствіемъ сообщали намъ объ успѣхахъ русскихъ войскъ.

Надо сказать, что они нисколько не сочувствовали польскому возстанію. За то и доставалось же имъ отъ Поляковъ, особенно отъ польскихъ партизановъ, которые немилосердо вѣшали ихъ, будто бы за шпіонство. Много такимъ образомъ погибло этихъ сыновъ Израйля въ продолженіе ожесточенной войны. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ «вѣшанія Евреевъ», разсказанный мнѣ однимъ правдивымъ Полякомъ.

Въ концѣ іюля, въ самый полдень, какой-то Еврей шелъ по дорогѣ отъ одного селенія къ другому. Вдругъ видитъ онъ впереди облако пыли, возвѣщающее приближеніе коннаго отряда: это были польскіе партизаны. Еврей обмеръ отъ страха: онъ зналъ, какъ опасны для его соплеменниковъ подобныя встрѣчи. Желая куда нибудь спрятаться, онъ озирается во всѣ стороны, но — увы! — вблизи ни кола, ни двора, ни рощи, ни даже кустика — чистое, ровное поле, засѣянное пшеницею, которая уже дозрѣвала. Недолго думая, Еврей бросается въ эту пшеницу и ползетъ подалѣе отъ дороги. На бѣду его кто-то уже замѣтилъ изъ отряда, который и остановился, поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, откуда Еврей бросился въ пшеницу.

— Здѣсь, здѣсь видѣлъ я поганого жида; ему некуда дѣваться, кромѣ пшеницы, говорилъ одинъ изъ партизановъ, показывая на помятые колосья, какъ на доказательство справедливости его показанія.

Начались поиски, и убѣжище несчастнаго Еврея было сейчасъ же открыто. Полумертваго отъ страха вытащили его на дорогу, окружили и стали допрашивать.

— Кто и зачѣмъ ты здѣсь?

— Я бѣдный портной, иду за своимъ дѣломъ, ясновельможные панове! отвѣчалъ Еврей, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Врешь! ты шпионъ! закричали ему со всѣхъ сторонъ: — подь судъ его, повѣсить его!

— Ой вей миръ! Я не шпионъ, я изъ вашихъ, ясневельможные панове!

Но напрасны были всѣ мольбы, вопли, заклинанія несчастнаго. Безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей, его осудили на смерть черезъ вѣшанье и тотчасъ же принялись исполнять вандальскій приговоръ. Но это оказалось не такъ-то легко: не на чемъ было повѣсить, потому что кругомъ и на дальнемъ разстояніи не было ни одного дерева. Послали искать матеріаловъ для висѣлицы. Невдалекѣ отъ дороги протекалъ ручей, черезъ который переброшены были три длинныя жерди для пѣшеходовъ. Взяли и принесли на дорогу эти жерди. Достали веревку, которая всегда имѣлась въ запасъ для подобныхъ случаевъ. Однимъ кускомъ веревки связали концы жердей и потомъ, раздвинувъ, поставили ихъ на дорогѣ, сдѣлавъ такимъ образомъ козлы. Потомъ перекинули другую веревку черезъ верхъ этихъ жердей, сдѣлали петлю, надѣли ее жиду на шею и потянули его кверху. Но едва приподняли его на поларшина отъ земли, какъ жерди раздвинулись, и Еврей всталъ на ноги. Жерди сдвинули и снова потянули кверху несчастную жертву. Та же исторія: жерди развѣхались. Это повторялось нѣсколько разъ, потому что партизаны возились болѣе часа и не могли сладить съ вѣшаньемъ. Наконецъ ухитрились такъ: заострили нижніе концы жердей и, сойдя съ дороги, укрѣпили ихъ въ грунтѣ болѣе рыхломъ, такъ что жерди не развѣзжались болѣе, и Еврей былъ наконецъ повѣшенъ.

Итакъ, съ часу на часъ ожидали мы своего освобожденія. Нашелся, однакожь, одинъ опровергатель нашихъ надеждъ. Это—хозяинъ нашей лачуги, польскій мѣщанинъ по званію, сапожный мастеръ по ремеслу. Онъ оспаривалъ даже извѣстіе о взятіи Варшавы и пресерьезно утверждалъ, что этого никогда не можетъ случиться, что все это ложь, выдумки поганыхъ жидовъ и что намъ, плѣннымъ, не видать и черезъ годъ своей свободы и родины. Мы не разсудили разувѣрять спорщика, который и остался при своемъ убѣжденіи. Въ лихорадочномъ ожиданіи провели мы этотъ день. Погода была прекрасная. На небѣ ни облачка; солнце разливало на землю потоки свѣта и тепла, какъ бы сочувствуя вселому настроенію нашего духа. Комен-

дантъ нашъ, Шерцель, и бургомистръ Опатовца сдѣлались тише воды, ниже травы.

Насталъ вечеръ. Проведя цѣлый день на ногахъ, я сидѣлъ въ свей квартирѣ и писалъ мой дневникъ. Часу въ девятомъ врывается въ избу хозяинъ и въ сильнѣйшемъ испугѣ зоветъ жену и кричитъ ей:

— Вшійтко згнѣзло, москалі пшійшли, жебы ихъ вшисци дьябли взели! (Все пропало: Русскіе пришли, чтобы ихъ черти взяли!)

Отрядъ казаковъ, подъ командою офицера генеральнаго штаба, вступилъ въ Опатовецъ и объявилъ свободу намъ, плѣнникамъ. Скептицизмъ опатовскаго сапожныхъ дѣлъ мастера исчезъ передъ очевидностію событія, которое еще такъ недавно онъ оспаривалъ. Вслѣдъ за хозяиномъ вбѣгаетъ мой товарищъ и кричитъ:

— Ура! ура! мы свободны: наши Русскіе здѣсь.

При этихъ словахъ я бросилъ перо и поспѣшно вышелъ изъ душевой избы. Вечеръ былъ теплый и ясный. Почти бѣгомъ отправился я на обширную площадь мѣстечка, гдѣ раздавались громкія и радостныя восклицанія. Тамъ собрались уже всѣ плѣнные и окружали небольшой отрядъ донскихъ казаковъ, съ которыми здоровались какъ съ близкими родными, какъ съ дорогими друзьями, обнимали, благословляли ихъ. Многіе плакали отъ радости.

Поздно ночью возвратился я на квартиру и легъ спать. На другой день рано я былъ уже на ногахъ. Въ это время небольшое мѣстечко имѣло очень оживленный видъ. По улицамъ расхаживали, суетились, бѣгали взадъ и впередъ освобожденные плѣнники съ радостными лицами. На площадь съѣзжались подводы, на этотъ разъ большею частію конныя.

Нашлись было между нами такіе, которые непремѣнно хотѣли отплатить усатому бургомистру за всѣ неприятности, какія причинялъ онъ намъ. Но большинство энергически воспротивилось этому малодушному намѣренію, и панъ бургомистръ былъ оставленъ въ покоѣ, но только не надолго: впоследствии мы узнали, что казаки приняли на себя роль нашихъ мстителей. На другой день послѣ нашего отъѣзда изъ Опатовца, они, обезоруживая жителей, обыскали квартиру бургомистра, нашли тамъ какое-то и гдѣ-то спрятанное оружіе и сдѣлали ему самое назидательное и *чувствительное* наставленіе, распорядясь совершенно по казацки....

Теперь расскажу кровавое событіе, котораго завязка произошла еще въ Вальборжѣ между молодымъ Л* и некрасивымъ господиномъ.

На другой день послѣ освобожденія, Л* всталъ рано, и первымъ его дѣломъ было получить обратно отъ коменданта свои пистолеты. Вслѣдъ затѣмъ двое изъ его товарищей получили и охотно приняли предложеніе быть его секундантами. Они сейчасъ же достали отъ одного Еврея необходимое количество пороку и свинцу и приготовили пули. Л* хотѣлъ окончить непремѣнно въ Опатовцѣ расчетъ съ своимъ наглымъ обидчикомъ и для этого дѣйствовалъ быстро, рѣшительно и энергически, потому что въ два часа пополудни того же дня всѣ освобожденные изъ плѣна Русскіе должны были оставить Опатовецъ и ѣхать въ Варшаву или за Варшаву, къ своимъ полкамъ и командамъ.

Когда все было готово, Л* отправился къ некрасивому господину въ сопровожденіи своихъ секундантовъ. Войдя въ занимаемую имъ избу и заставши его дома, онъ подошелъ къ нему, а секунданты остановились близъ двери.

— Вѣроятно, вы догадываетесь, зачѣмъ я пришелъ къ вамъ? сказалъ онъ ему голосомъ тихимъ, но твердымъ, въ которомъ слышалась неумолимость строгаго судіи.

Некрасивый господинъ вздрогнулъ и молчалъ.

— Я пришелъ къ вамъ за расчетомъ, милостивый государь! Вѣрно, вы не забыли, какъ жестоко и несправедливо оскорбили вы меня? Вы обязаны дать мнѣ удовлетвореніе. Надѣюсь, что вы не откажете въ моемъ требованіи.

— Я не буду съ вами стрѣляться, пока мы не получимъ на это дозволенія, проговорилъ некрасивый господинъ рѣшительнымъ голосомъ.

— О, нѣтъ! вы будете со мною стрѣляться сегодня же, здѣсь же, сказалъ Л* все тѣмъ же тихимъ, но увѣреннымъ и настойчивымъ тономъ: — даю вамъ часть времени на размышленіе; надѣюсь, что, пораздумавши хорошенько, согласитесь исполнить долгъ чести и не заставите меня прибѣгать къ понудительнымъ и крайнимъ мѣрамъ, на которыя можетъ подвинуть меня ваше упорство въ отказѣ. Итакъ, до скорого свиданія.

Сказавъ это, Л* повернулся и вышелъ вмѣстѣ съ секундантами.

Вѣсть о возможности поединка между Л* и некрасивымъ господиномъ тотъ же часъ распространилась между Русскими. Нашлись между ними нѣкоторыя добрыя и миролюбивыя души,

которыя попытались было уладить дѣло полюбовно, безъ поединка. Но едва заикнулись онѣ объ этомъ Л*, какъ онъ, своимъ отвѣтомъ, отбилъ у нихъ охоту быть совѣтниками и посредниками тамъ, гдѣ ихъ не просили объ этомъ.

Проходить время. Подводы все уже съѣхались и были розданы, какъ и прежде, по одной на двухъ плѣнныхъ. Некрасивый господинъ еще не выходилъ изъ своей лачуги. Но наконецъ ему невозможно было долѣ сидѣть на одномъ мѣстѣ: его требовали для полученія подводы, и онъ поспѣшно направился къ площади, но не успѣлъ сдѣлать ста шаговъ, какъ изъ боковой улицы вышелъ Л* и всталъ передъ нимъ, съ пистолетами въ рукахъ. Обидчикъ поблѣднѣлъ.

— Ну что же? Надумались ли вы наконецъ стрѣляться со мною? мрачно спросилъ Л*.

— Я... нѣтъ... не имѣю... то есть у меня нѣтъ секунданта, пробормоталъ едва слышимымъ голосомъ некрасивый господинъ.

— У меня ихъ двое, сказалъ Л*, указывая на подоспѣвшихъ къ нему секундантовъ:—не угодно ли вамъ выбрать одного изъ нихъ? Они — благородные люди, и вы можете вполне имъ вѣрится.

Но въ эту самую минуту проходилъ мимо ихъ молодой и благообразный человѣкъ, тоже товарищ некрасиваго господина.

— М. г.! сказалъ ему Л*:—вашему товарищу нуженъ секундантъ: не хотите ли вы оказать эту услугу вашему сослуживцу?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Стало быть, теперь устранены все препятствія, и мы можемъ сейчасъ окончить наше дѣло. Итакъ, пойдите, господа: время дорого и медлить нечего.

Некрасивый господинъ безмолвно покорился необходимости, и все пятеро направились къ Вислѣ, а потомъ повернули влѣво и вышли изъ мѣстечка. Былъ полдень. На небѣ ни облачка, и солнце обливало землю своими золотыми и горячими лучами. Въ верстѣ отъ Опатовца, на берегу Вислы, находилась группа столѣтнихъ дубовъ, доставлявшихъ густую тѣнь и прохладу. Туда-то направились Л* и его противникъ, сопровождаемые тремя секундантами, которые, дорогою, опредѣлили условія поединка. Придя въ дубовую рощицу, выбрали самое тѣнистое и ровное мѣсто. Воткнули въ землю шпагу и, отсчитавъ отъ нея шесть шаговъ, воткнули другую. Противники встали по мѣстамъ и, по командѣ одного изъ секундантовъ, обернулись спиною

другъ къ другу и начали расходиться въ противоположныя стороны; отойдя по шести шаговъ, остановились, повернулись одинъ къ другому лицомъ и, опять по командѣ, стали сходитьсь. Первый выстрѣлъ предоставленъ былъ кому угодно.

Вызванный выстрѣлилъ первый и не дойдя три шага до барьера. Пуля прострѣлила фуражку Л*, не тронувъ его головы. Чуть живой, обидчикъ остановился у барьера. По условію, Л* имѣлъ право подойти къ своему противнику и послать ему пулю въ лобъ, въ грудь, куда угодно. Но онъ не хотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ и потому, подойдя къ барьеру, тоже остановился и сказалъ своему противнику:

— Не угодно ли вамъ поручить что нибудь своему секунданту? Можетъ быть, у васъ есть жена, мать, сестра?..

— Довольно, Л*! стрѣлай безъ дальнихъ разговоровъ, сказалъ одинъ изъ его секундантовъ.

Л* выстрѣлилъ: противникъ его упалъ. Онъ былъ раненъ въ животъ, и его отнесли на квартиру. Кривавый эпизодъ этого поединка заключилъ исторію плѣна нашихъ Русскихъ и омрачилъ свѣтлую радость ихъ освобожденія.

Въ два часа по полудни мы оставили Опатовецъ, поѣхали въ Варшаву и къ вечеру прибыли въ городъ Стобницы, отстоящій на три мили отъ Опатовца. Здѣсь мы остановились навремя, ожидая приказаній изъ главной квартиры 4-го корпуса, расположеннаго въ Кельцахъ. На другой день я, а потомъ и товарищъ мой сильно захворали. Болѣзнь моя усиливалась съ каждымъ часомъ, и къ вечеру я думалъ, что уже наступилъ мой послѣдній часъ. Сначала казалось, что у меня холера; но это было воспаленіе въ желудкѣ, и скорая медицинская помощь спасла меня.

17 сентября всѣ плѣнные пустились далѣе, по дорогѣ въ Варшаву. Мы съ товарищемъ не могли слѣдовать за ними: болѣзнь удержала насъ въ Стобницахъ. Русскій комендантъ надъ плѣнными, полковникъ Факицынъ, выдалъ намъ билеты на свободное прожитіе и проѣздъ.

Въ двухъ миляхъ отъ Стобницъ находилось помѣстье Буско, принадлежавшее Ржевускимъ и славящееся во всей Польшѣ своими минеральными сѣрными водами. Семейство Ржевускихъ состояло изъ старушки вдовы и нѣсколькихъ взрослыхъ ея сыновей. Одинъ изъ нихъ служилъ юнкеромъ въ одной батареѣ съ моимъ товарищемъ. Эта совѣстная служба съ однимъ изъ Ржевускихъ

была превосходною рекомендаціею въ глазахъ матери семейства, и потому товарищъ, далеко не такъ тяжело больной, какъ я, отправился къ старушкѣ въ Буско. Она приняла его съ необыкновеннымъ радушіемъ, какъ роднаго, и просила немедленно переѣхать къ ней вмѣстѣ со мною и жить въ ея домѣ, пока мы совершенно не выздоровѣемъ.

Разумѣется, мы съ благодарностію приняли такое предложеніе и сейчасъ же переѣхали въ Буско, гдѣ отвели намъ прекрасныя комнаты и ухаживали за нами, какъ за дѣтми. Старушка на это время была одна. Два старшіе ея сына находились въ Краковѣ, третій дѣлалъ кампанію съ русскими войсками, а младшій служилъ въ кракусахъ и, по взятіи Варшавы, эмигрировалъ за границу съ остатками инсургентовъ. Это сильно тревожило и сгорчало добрую старушку. Три недѣли прожили мы въ домѣ Ржевускихъ, показавшемся намъ послѣ Опатовца раемъ. Хозяева Буско не знали чѣмъ насъ угостить, гдѣ посадить. За недѣлю до нашего отъѣзда пріѣхали изъ Кракова старшіе Ржевускіе. Грустные, убитые, они избѣгали малѣйшаго разговора съ нами о настоящихъ событіяхъ, но были къ намъ чрезвычайно внимательны и ласковы.

IX.

Состояніе здоровья моего поправилось, и 7 октября мы простились съ милымъ семействомъ Ржевускихъ, которые упрашивали насъ погостить у нихъ подолѣе. Но мы спѣшили въ свою военную семью, къ товарищамъ, съ которыми такъ давно не видались. Дорога лежала на городъ Кельцы, до котораго отъ Буско было около шести миль. Поздно ночью пріѣхали мы въ Кельцы, уже знакомый намъ городъ. Долго разѣзжали мы по улицамъ, искали и не находили себѣ квартиры: всѣ дома были заняты военнымъ постоемъ. Приходилось ночевать хотя на мостовой. Наконецъ, проѣзжая по одной улицѣ, я вижу надъ дверями одноэтажнаго каменнаго дома вывѣску кофейни. Въ одно мгновеніе припомнилъ я и эту вывѣску, и этотъ домъ, и, въ особенности, очаровательную «панну Югасю», и сказанное когда-то «до свиданія». Я велѣлъ остановить лошадей и, вмѣстѣ съ товарищемъ, вошелъ въ кофейный домъ, гдѣ видѣлся еще огонь.

Кофейня состояла изъ двухъ приемныхъ комнатъ и двухъ заднихъ, занимаемыхъ хозяевами. Въ первой комнатѣ сидѣла на диванѣ панна Югася, а возлѣ нея, на стулѣ, торчалъ какой-то драбантъ старыхъ временъ, покушавшійся, повидимому, на какія-

то любезности. Но вмѣсто любезностей выходило у него только нѣсколько страшно исковерканныхъ польскихъ словъ, тогда какъ на лицѣ Югаси изображалась смертельная скука, навѣянная на нее заноздалымъ и далеко неинтереснымъ любезникомъ.

— Якъ се машъ (здравствуй), Югася! сказалъ я, протянувъ руку прелестной Полькѣ. — Узнаешь ли меня?

Югася пристально взглянула на меня. Веселая улыбка озарила очаровательное личико, и она ласково отвѣчала мнѣ:

— Помню, помню: назадъ тому мѣсяца три вы проѣзжали черезъ Кельцы и стояли напротивъ насъ.

— А не могу ли я теперь опять имѣть ту же самую комнату?

— Невозможно: она занята.

— Куда жъ намъ дѣться? мы нигдѣ не нашли квартиры, а теперь уже за полночь. Нельзя ли намъ остановиться здѣсь, у васъ?

— Въ кофейномъ домѣ!... Да какъ же это сдѣлать?

— Очень просто: здѣсь двѣ приемныя комнаты. Мы остановимся во второй и никого не стѣснимъ. Багажъ у насъ не великъ, пробудемъ мы здѣсь недолго, и вы можете, по прежнему, принимать посѣтителей. Для насъ главное: провести ночь.

— Позвольте, я скажу хозяевамъ: можетъ быть, они и согласятся, проговорила Югася, съ видимымъ къ намъ участіемъ, и ушла поспѣшно въ заднія комнаты.

Въ продолженіе этого бѣлаго разговора на чистѣйшемъ польскомъ языкѣ, старый любезникъ молчалъ, пасмурно поглядывая на насъ изподлобья и наконецъ догадался, что онъ тутъ совершенно лишній, а потому заблагоразсудилъ отретироваться *sans tambour ni trompette*. Югася, между тѣмъ, возвратилась довольная и веселая: она принесла намъ согласіе хозяина, который отдавалъ въ наше распоряженіе комнату за два золотыхъ въ сутки, то есть за обыкновенную цѣну. Это не по нашему. У насъ, ради такого удобнаго случая, содрали бы вдесятеро дороже противъ обыкновенной цѣны. При «сей вѣрной оказіи», я долженъ отдать полную справедливость Полякамъ въ слѣдующемъ отношеніи:

Оставляя въ сторонѣ оцѣнку политическаго характера Поляковъ, какъ народа, я скажу только, что въ дѣлахъ коммерческихъ я не знаю людей болѣе добросовѣстныхъ, честныхъ и акуратныхъ, какъ Поляки. Надуть, поддѣть, заломить цѣну, запросить вдесятеро, прижать, содрать, — все это поступки и слова невзвѣст-

ные въ Польшѣ и между польскими купцами, но не между Евреями, которые, пожалуй, могутъ потягаться съ нашими православными въ знаніи надувательной торговли, но все-таки подь-конецъ и они должны уступить русской бородкѣ пальму первенства въ честномъ плутовствѣ. Замѣчу еще: Полякъ ни на шагъ безъ «дьябла» — и все-таки остается честнымъ въ торговыхъ сдѣлкахъ. А нашъ русачекъ все крестится да призываетъ всѣхъ святыхъ угодниковъ — и все мошенничаетъ, и чѣмъ безсовѣстнѣе хочетъ надуть кого, тѣмъ большее число угодниковъ призываетъ въ свидѣтели своей честности.

Итакъ, мы остановились въ кофейномъ домѣ и размежевались слѣдующимъ образомъ: хозяева, какъ я сказалъ уже, спали въ заднихъ комнатахъ, Югася въ первой пріемной, а я съ товарищемъ во второй, на диванахъ.... И какая необъятная разница была между ночью, которую провелъ я въ Кельцахъ мѣсяца три тому назадъ, дыша удушливымъ воздухомъ неволи, и тою ночью, когда я упивался воздухомъ свободы и блаженствовалъ мечтами молодого, пылкаго воображенія, которыя уносили меня далеко, высоко!...

На другой день встали мы въ обыкновенное время, въ восемь часовъ, одѣлись и напились превосходнаго кофе, какого, кромѣ Польши, я нигдѣ не пивалъ. Послѣ того мы отправились въ корпусный штабъ. Тамъ выдали намъ прогоны до Варшавы и еще по 75 руб. ассигнаціями вспомошествованія, въ счетъ жалованья. Потомъ прошли мы по городу и въ первый разъ увидѣли русскихъ маркитантовъ, черезъ которыхъ познакомились съ табакомъ Василя Жукова, впервые услышавъ тогда эту фирму, столько теперь извѣстную.

Когда возвратились мы на свою квартиру въ кофейный домъ, то нашли тамъ трехъ посѣтителей: дежурнаго штабъ-офицера, капитана генеральнаго штаба и молодаго конно-артиллериста: это были *les habitués* кофейни «à la belle Johanna». Они превѣжливо раскланялись съ нами, какъ съ настоящими хозяевами дома, и дежурный штабъ-офицеръ сказалъ намъ:

— Извините, господа, что мы расположились въ вашей квартирѣ. Входя сюда, мы не знали, что вы остановились здѣсь.

Мы просили не церемониться съ нами. Между военными и въ военное время знакомство завязывается скоро. Послѣ часа живой и разнообразной бесѣды, мы были уже въ наилучшихъ отношеніяхъ съ нашими гостями. Въ продолженіе этого перваго

часа разговоръ шелъ о военныхъ дѣйствіяхъ; но онъ не мѣшалъ нашимъ собесѣдникамъ обращаться безпрестанно съ разными просьбами и любезностями къ очаровательной брюнеткѣ, которая была мишенью, маякомъ, приковывавшимъ къ себѣ ихъ вниманіе и взгляды, самые нѣжные, сладкіе, умоляющіе. Наконецъ одинъ изъ нихъ, по пословицѣ, «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ», обратился къ намъ со словами:

— Что это за восхитительная дѣвушка!

— Какъ вы счастливы, что стоите подъ одною кровлею съ такою красавицею! сказалъ другой.

— Богъ знаетъ, чего бы я не далъ, чтобы помѣняться съ вами квартирою, прибавилъ третій.

— А намъ это счастье досталось за два злотыхъ да за отличное знаніе польскаго языка, отвѣчалъ я на всѣ ихъ восторженные восклицанія.

— Какъ видно, она сильно нравится всѣмъ вамъ, господа! прибавилъ мой товарищъ.

— Не только намъ, но всему штабу. Да что: всѣ Русскіе, стоящіе въ Кельцахъ, отъ нея безъ ума.

— И она никого не осчастливила? спросилъ я.

— Куда!... Она всѣхъ приводитъ въ отчаяніе своею жестокостію. Полковникъ Д* разсыпалъ передъ нею пригоршни червонцевъ и умолялъ полюбить его, ѣхать съ нимъ въ Россію. Оттолкнула отъ себя съ презрѣніемъ золотую кучу, да еще расхохоталась подъ носъ озадаченному полковнику. И поцѣловать себя не позволила. На силу упробилъ ее принять отъ него на память прелестный перстень, который видите вы у нея на правой рукѣ. А одинъ полковой квартирмейстеръ предлагалъ ей руку и сердце, всего себя, и сейчасъ готовъ былъ обвѣнчаться и потомъ ѣхать съ нею въ Россію. Сначала она было и согласилась, да потомъ вдругъ раздумала. Не хочу, боюсь ѣхать въ вашу медвѣжью сторону, сказала она и наотрѣзъ отказала претенденту. Бѣдный! Теперь онъ съ ума сходитъ и чахнетъ отъ безнадежной страсти. Да и сколькоихъ она привела въ отчаяніе!

Мы улыбнулись, слушая эти рассказы о непреклонной добродѣтели панны Югаси.... Впрочемъ, въ Польшѣ, мнѣ не разъ случалось видѣть, что богатство и почетъ не всегда бываютъ непреложными средствами для достиженія успѣха у безвѣстныхъ красавицъ простаго класса. Прихоть сердца, умѣнье понравиться, возбудить участіе, или, наконецъ, удобный случай помогаютъ

гораздо болѣе и ведутъ иногда къ полному успѣху на поприщѣ волокитства или, какъ выражаются Поляки, «романсованія».

Два дня и двѣ ночи провели мы въ Кельцахъ и потомъ оставили навсегда этотъ хорошенькій городокъ. Простился я съ панною Югасею. Крѣпко пожали мы руки другъ другу и обмѣнялись грустными и влажными взглядами, но уже не словами «до свиданія», которыя сданы были навсегда въ архивъ воспоминаній.

Прошло съ тѣхъ поръ около тридцати лѣтъ. А какъ живо, свѣжо во мнѣ воспоминаніе о кратковременномъ пребываніи моемъ въ Кельцахъ! Сколько думъ навѣваетъ оно на мое уставшее, отжившее сердце! И какъ скоро прошла молодость! куда и зачѣмъ она скрылась? И что такое эта неуловимая молодость? Безпрерывное проматываніе души и сердца, сопровождаемое неблагодарностію. Живо, страстно, огненно чувствуешь въ молодые годы минуты счастья, наслажденія, удовольствія, которыя попадаютъ по дорогѣ жизни; но за то и не цѣнишь ихъ по достоинству, не благодарить за нихъ, какъ должно, судьбу, случай или то существо, которое подарить насъ блаженствомъ, озарить, хоть не надолго, свѣтомъ радостей... Пройдетъ потомъ молодость. Вереница годовъ посеребрить голову, покроетъ лобъ морщинами; тлетворный опытъ помрачить, отравить ваши думы, убьетъ всѣ надежды. И вы съ горькимъ сожалѣніемъ вспоминаете минуты давнопрошедшаго счастья, которое такъ мало цѣнили и такъ скоро утратили. О, съ какимъ восторгомъ встрѣтили бы мы теперь хоть частицу того блаженства, полноту котораго мы не умѣли или не хотѣли оцѣнить въ былое время! Но судьба убѣгающей отъ насъ жизни скупа на радости и наслажденія. Кой-когда броситъ она вамъ крохи, объѣдки съ того роскошнаго пира жизни, на которомъ такъ гостепріимно, такъ расточительно угощаетъ она молодость и красоту. Но и за эти крохи мы уже благодаримъ судьбу, и эту скудную подачку цѣнимъ мы гораздо болѣе, нежели когда-то цѣнили полныя блюда роскошнаго пира своей молодости...

9 октября, въ полдень, выѣхали мы изъ Кельцъ на курьерскихъ. Мы спѣшили, чтобы застать въ Варшавѣ нашъ гвардейскій отрядъ. Но на бѣду нашу впереди ѣхали графиня Потockая и вдова бывшаго намѣстника Заѣничекъ: онѣ забирали множество лошадей подъ свои экипажи, такъ что насъ безпрестанно задерживали на станціяхъ, и мы только 11 числа, въ

девять часовъ утра, добрались до Варшавы. Но какую перемяну нашли мы въ ней!

При въѣздѣ въ городъ, виднѣлись повсюду свѣжіе слѣды кровавой, ожесточенной борьбы, и Варшава походила на обширный лагерь съ огромными артиллерійскими паркомъ. На улицахъ орудія, бивуаки, караулы, часовые, конные и пѣшіе патрули.

Долго не находили мы себѣ пристанища: всѣ гостиницы были наполнены военными. Наконецъ удалось намъ отыскать одну маленькую комнату на какомъ-то постояломъ дворѣ, но въ центрѣ города, на Подвальной улицѣ. Внеся свой багажъ, мы сейчасъ же пустились отыскивать свои команды; но это было не такъ-то легко. Долго ходилъ я по улицамъ и въ пестрой толпѣ военныхъ, попадавшихся мнѣ на каждомъ шагу, не встрѣтилъ ни одного сослуживца по Литовскому полку. Но вотъ наконецъ одинъ встрѣченный рядовой на вопросъ мой: котораго ты полка, отвѣтилъ: лейбъ-гвардіи Литовскаго.

Я не узналъ его потому, что прежнее желтое сукно на воротникѣ было замѣнено краснымъ.

Слава Богу! Отрядъ нашъ еще въ Варшавѣ. Черезъ четверть часа послѣ этой встрѣчи, я былъ уже у нашего добраго полковника, который стоялъ на Саксонской площади. Не буду описывать той радости, того чистаго счастья, которое испыталъ я при встрѣчѣ съ добрыми товарищами послѣ такой долгой разлуки. Но многихъ изъ нихъ я не нашелъ уже въ живыхъ. Нашъ полковой командиръ тоже возвратился изъ плѣна и командовалъ уже полкомъ.

Здѣсь я оканчиваю мои воспоминанія. Громъ войны умолкнулъ и послѣдующія событія моей военной жизни принадлежатъ уже другой, мирной эпохѣ. Упомяну только объ одномъ трагическомъ событіи: спустя восемь дней по возвращеніи моемъ въ Варшаву, нашъ полковой командиръ застрѣлился безъ всякой видимой причины, которая для всѣхъ насъ осталась тайною.

И. ШАВАРОВЪ.

С.-Петербургъ.
21 апрѣля 1860 года.